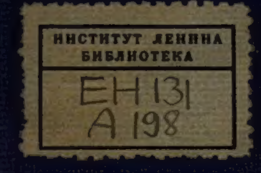
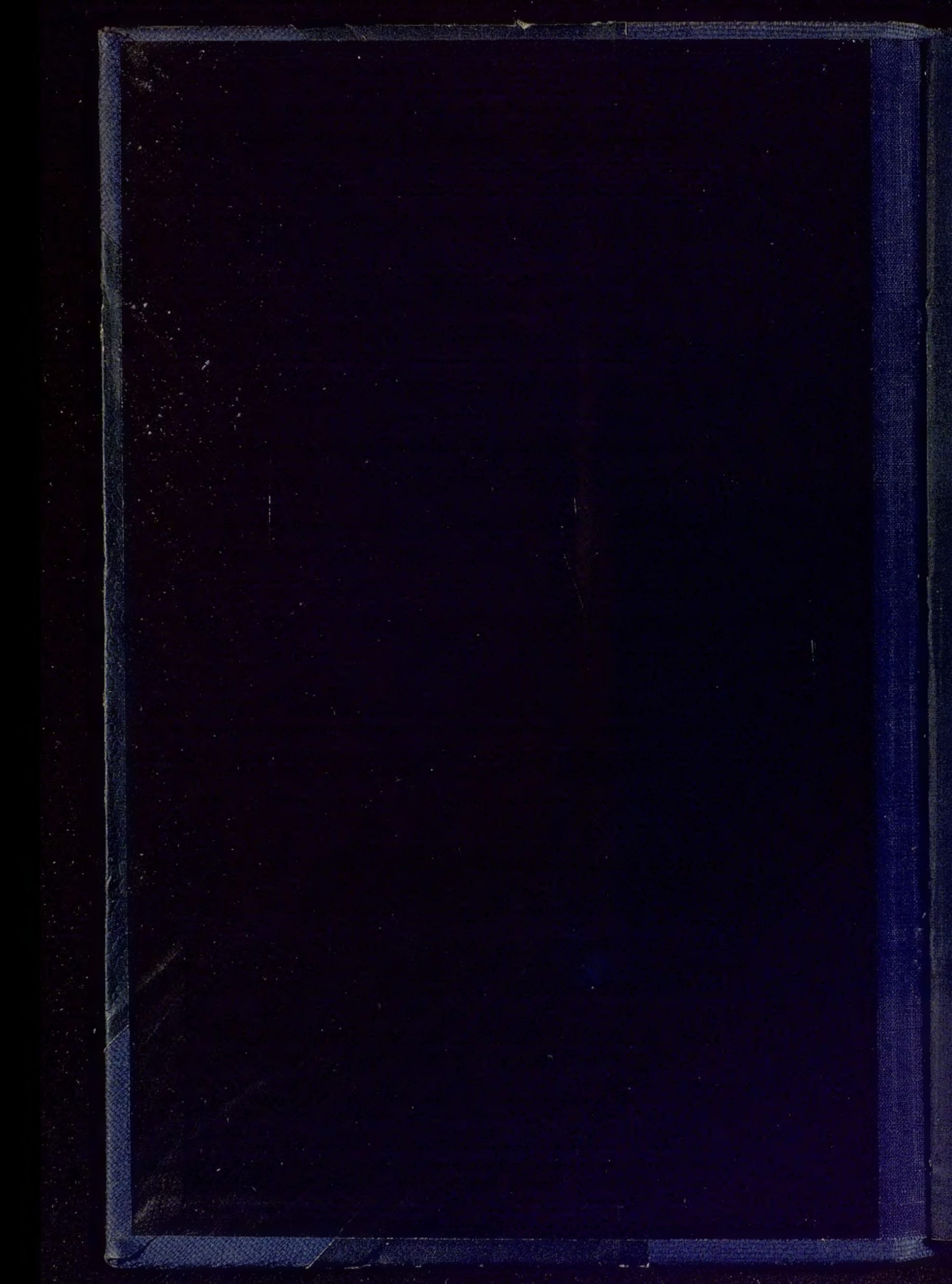
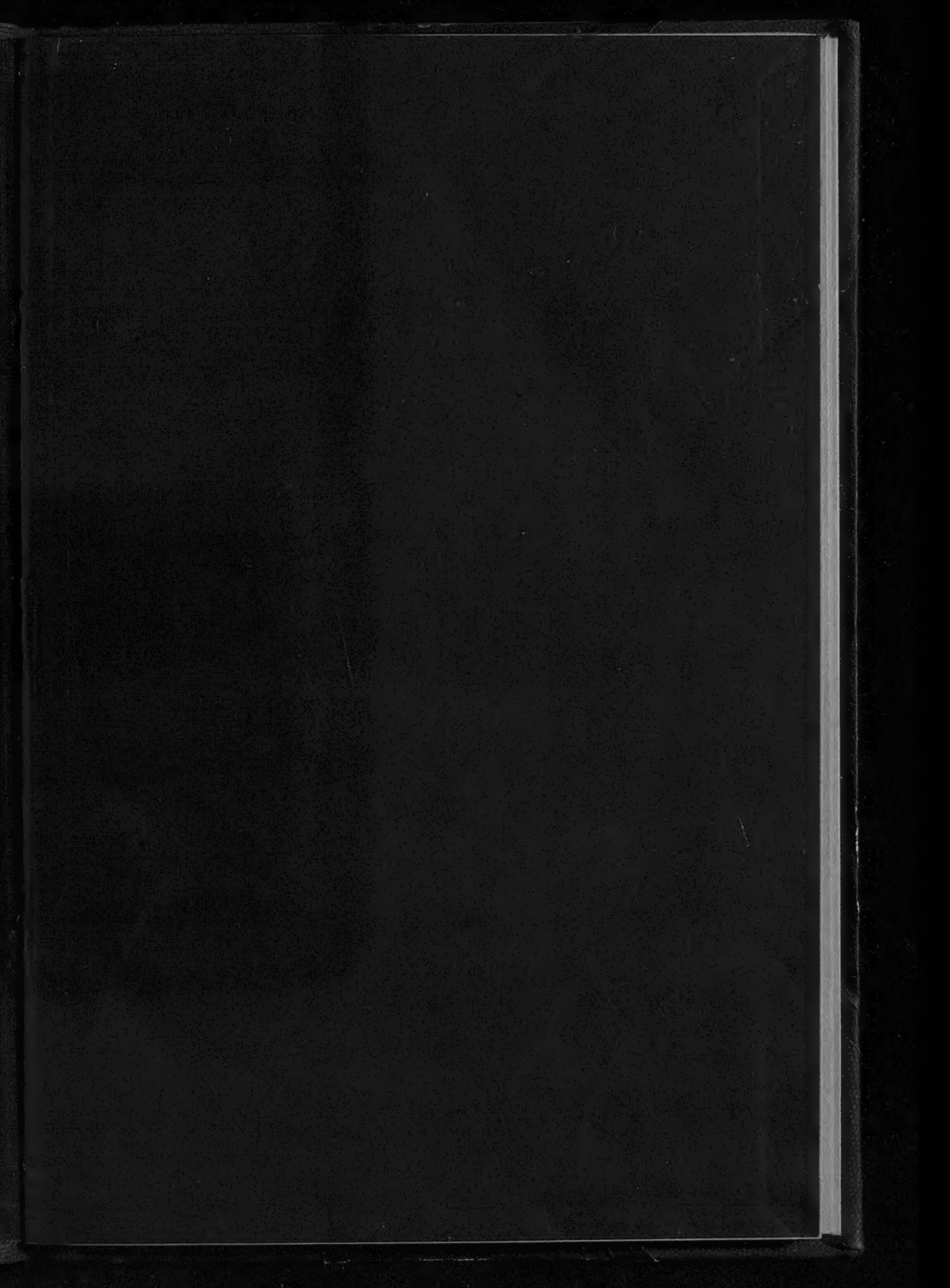
Зиновьевъ

Австрія и міровая война

Г. ЗИНОВЬЕВЪ.

Австрія и міровая война.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство Петроградскаго Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ.
1918.

Г. ЗИНОВЬЕВЪ.

Австрія

и

міровая война.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство Петроградскаго Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ.
1918.

Предисловіе.

Предлагаемая брошюра написана мною въ Швейцаріи въ концѣ 1916 года. Я писалъ эту работу для одного петроградскаго издательства и долженъ былъ, поэтому, считаться съ существовавшей тогда царской цензурой. Читатель замѣтитъ это по всему изложенію.

Съ конца 1916 г. утекло много воды и—немало крови. Многое измѣнилось въ положеніи всей Европы и въ частности Австріи. Я не имѣю, однако, времени ни дополнять, ни передѣлывать брошюру. Сдаю ее въ печать въ томъ видѣ, какъ она была написана.

Г. З.

8 апрѣля
1918 г.
Смольный.

Предисловіе.

Представляемая брошюра написана мною [illegible] недѣлю въ концѣ 1916 года [illegible] эту работу для одного періодическаго изданія, [illegible] ея были [illegible] существовавшей тогда царской цензурой. Читатель [illegible] что [illegible] всему [illegible].

Съ конца 1916 г. утекло много воды и — немало крови. Многое измѣнилось въ положеніи всей Европы и въ частности Россіи, [illegible] и [illegible] времени не [illegible], ни переработать брошюру. [illegible] въ [illegible] написана.

[illegible]
1918
[illegible]

I. Австрія или Пруссія?

Исторія настолько тѣсно связала судьбы Австріи съ судьбами Германіи, что почти ни объ одной эпохѣ въ жизни первой нельзя говорить внѣ связи съ ходомъ событій въ политической жизни второй. Это относится въ особенности къ эпохѣ 1848—1871 г.г.

Нарожденіе капитализма ознаменовывается стремленіемъ къ созданію самостоятельныхъ національныхъ государствъ. Возникающій капиталистическій товарооборотъ требуетъ упраздненія слишкомъ мелкихъ государственныхъ единицъ, государственной черезполосицы. Ему необходимо созданіе единой таможенной системы, охватывающей по возможности большую территорію, созданіе единой, монетной системы, единаго законодательства и т. п.

Борьба за національное государство есть длительный процессъ, занявшій въ исторіи много десятилѣтій. „Начиная съ исхода среднихъ вѣковъ, исторія работаетъ надъ конституированіемъ Европы на базѣ большихъ національныхъ государствъ",—пишетъ Фр. Энгельсъ [1]). „Только такія государства—продолжаетъ Энгельсъ—являются нормальной

[1]) См. его посмертную работу „Gewalt und Oekonomie bei der Hertellung des neuen deutschen Reiches". Серія замѣчательныхъ статей подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ журналѣ „Neue Zeit" 1895—96 XIV, B. I. Работа осталась незаконченной, но и то, что написано, имѣетъ громадную историческую цѣнность. Можно только пожалѣть, что эта работа до сихъ поръ не переведена на русскій языкъ.

политической конституціей господствующей европейской буржуазіи".

Для буржуазіи тѣхъ странъ, которыя опоздали со своимъ національнымъ объединеніемъ, нестерпимо было положеніе, когда черезъ каждую пару миль она натыкалась на новую таможенную заставу, когда единица мѣры, вѣса, денегъ была разнообразна и хаотична, когда на каждомъ шагу промышленность тормозилась безчисленными бюрократическими и фискальными препятствіями, когда государственная раздробленность становилась прямой, для каждаго буржуа ощутительной, помѣхой въ его дѣлахъ. „Отсюда видно—замѣчаетъ Энгельсъ — какъ стремленіе къ объединенному „отечеству" имѣло очень матеріальную основу".

Германія принадлежала къ числу тѣхъ именно странъ, которыя—по цѣлому ряду причинъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто—опоздали со своимъ національнымъ объединеніемъ. А съ судьбами Германіи были тѣсно связаны судьбы Австріи.

Побѣда контръ-революціи въ Германіи и Австріи въ 1849 г. еще разъ отсрочила германское объединеніе. Эта важная задача досталась на долю послѣ-революціоннаго періода. *Какимъ-же путемъ* могло завершиться это объединеніе, которое къ 60-ымъ годамъ стало еще болѣе назрѣвшей экономической необходимостью?

Методовъ было два: *или* посредствомъ новой революціи *снизу*, т. е. посредствомъ сверженія многочисленныхъ королей и князей и созданія единой великой нѣмецкой республики; *или* посредствомъ революціи *сверху*, посредствомъ ряда войнъ и поглощенія болѣе мелкихъ нѣмецкихъ государствъ болѣе крупными. Въ послѣднемъ случаѣ вставалъ вопросъ: *Пруссія или Австрія?* Какая изъ нихъ совершитъ эту революцію сверху, какая изъ нихъ объединитъ вокругъ себя болѣе мелкія государства? Объединятся-ли нѣмецкія государства въ „*большую* Германію" (Grossdeutschland), *включая* Австрію, или—Пруссіи удастся вытолкнуть изъ германскаго союза Австрію и создать безъ нея подъ своей диктатурой „*малую* Германію" (Kleindeutschland)? „Три пути существовало послѣ того, какъ туманныя попытки 1848 года почти безъ исключенія потерпѣли

крахъ, но тѣмъ самымъ и разсѣяли кой-какой туманъ"— пишетъ Фр. Энгельсъ.

Первый путь былъ путь подлиннаго объединенія посредствомъ уничтоженія всѣхъ отдѣльныхъ государствъ, т. е.— открытый революціонный путь. Этотъ путь совсѣмъ недавно привелъ къ успѣху въ Италіи. Если-бы Наполеонъ III въ началѣ 60-хъ годовъ объявилъ нѣмцамъ войну, и сталъ-бы ребромъ вопросъ о рейнской границѣ, тогда нѣмецкій народъ, быть можетъ, вынужденъ былъ бы пойти по этому пути. Но этого не случилось. И это открыло путь двумъ другимъ возможностямъ.

Второй путь былъ путь объединенія подъ эгидой *Австріи*.

Благодаря политикѣ Наполеона, которому противъ Пруссіи нужна была не слишкомъ слабая Австрія, послѣдняя послѣ 1815 года сохранила болѣе или менѣе округленную территорію. Но она на дѣлѣ все-же оказалась слабѣе, чѣмъ Пруссія. На свои прежнія владѣнія въ южной Германіи она даже и сама уже болѣе не претендовала. Связи ея съ Германіей все болѣе ослабѣвали. Политика Меттерниха приводила къ тому, что Австрія отдѣлялась китайской стѣной отъ остального нѣмецкаго міра. Экономическимъ сношеніямъ чрезвычайно мѣшали безчисленныя пошлины, реакціоннѣйшая паспортная система и т. п. Политическое, идейное, умственное воздѣйствіе затруднялось австрійской цензурой. Къ тому-же и религіозный моментъ затруднялъ объединеніе всѣхъ нѣмцевъ подъ эгидой Австріи. Австрія и послѣ революціи осталась специфически - католической страной. Господство іезуитовъ продолжалось. Гегемонія Австріи надъ всей страной, въ которой 2/3 населенія принадлежали-бы къ протестантизму, была-бы очень нелегка.

Нѣмецкое единство подъ эгидой Австріи было неосуществимо. Ибо — Пруссія оказалась гораздо сильнѣе Австріи.

Оставался еще только *третій* путь—объединеніе Германіи подъ эгидой *Пруссіи*. Путь объединенія *сверху*, ибо —*революціонное* движеніе германской буржуазіи стало исторической невозможностью. Послѣ февральской революціи наступили мартовскіе дни въ Вѣнѣ и революція 18 марта въ Берлинѣ. Буржуазія одержала легкую побѣду, не принявъ серьезнаго

участія въ борьбѣ. Рѣшительной борьбы она и *не хотѣла.* Еще недавно она заигрывала съ соціализмомъ и коммунизмомъ (особенно на Рейнѣ). Но скоро она замѣчаетъ, что въ Германіи нарождается самостоятельный рабочій классъ, который—при всей его политической неопытности—инстинктивно революціоненъ и враждебенъ самому господству буржуазіи, какъ класса. Наглядный урокъ даетъ французская жизнь. Тамъ пролетаріатъ выставляетъ уже требованія, явно несоединимыя съ существованіемъ самаго буржуазнаго строя. Тамъ 23 іюня 1848 года дѣло доходитъ до прямого сраженія между буржуазіей и пролетаріатомъ. Послѣ четырехдневныхъ битвъ пролетаріатъ побѣжденъ. „Съ этого момента буржуазія во всей Европѣ переходитъ на сторону реакціи, заключаетъ союзъ съ только-что низвергнутой ею при помощи рабочихъ абсолютистской бюрократіей, попами—противъ т. н. враговъ общества, т. е. противъ тѣхъ-же самыхъ рабочихъ“ [1]).

Примиреніе германской буржуазіи съ реакціей неизбѣжно должно было привести къ тому, что *внутри* контръ-революціоннаго блока первенствующая роль переходитъ къ *юнкерству.* Это наложило неизгладимую печать и на ходъ національнаго объединенія въ Германіи и на дальнѣйшія взаимоотношенія между Пруссіей и Австріей. Объединеніе это, давно уже ставшее экономической и политической необходимостью, беретъ теперь въ руки *Пруссія* въ лицѣ прусскаго *юнкерства.* Прусское юнкерство выдвигаетъ изъ своей среды такую фигуру, какъ князь Бисмаркъ. Въ 1862 году Бисмаркъ уже у власти. „Желѣзный“ канцлеръ начинаетъ осуществлять національное объединеніе — посредствомъ политики „крови и желѣза“. Германіи предстоитъ рядъ войнъ. Династическій элементъ играетъ въ нихъ большую роль. Но по своему объективному значенію эти войны суть національныя войны—въ нихъ рѣшается вопросъ объ устраненіи національной раздробленности Германіи, о созданіи германскаго единства. Бисмаркъ создаетъ это единство по образу и подобію своему.

---

[1]) См. Фр. Энгельсъ, Ibid. 685—711.

Эру бисмарковскихъ національныхъ войнъ открываетъ война 1864 года. Пруссія получаетъ Шлезвигъ, Австрія—Гольштинію.

Непосредственно послѣ войны 1864 года вопросъ о томъ, подъ чьей гегемоніей объединится Германія—все больше обостряется. Пруссія *или* Австрія — эта дилемма назрѣла теперь до послѣдней степени. Бисмаркъ явно ведетъ дѣло къ войнѣ съ Австріей, къ изгнанію ея изъ германскаго союза и созданію централизованнаго, подчиненнаго Пруссіи „Kleindeutschland'a" („Малой Германіи").

Наступаетъ война 1866 года. Въ нѣсколькихъ рѣшающихъ сраженіяхъ Пруссія съ молніеносной быстротой разбиваетъ Австрію на голову [1]). Бисмаркъ отнимаетъ у Австріи только что совмѣстно съ ней отвоеванную Гольштинію и кромѣ того аннексируетъ — Ганноверъ, Гессенъ - Кассель, Нассау, вольный городъ Франкфуртъ. Онъ не желаетъ окончательно разрушить Австрію, памятуя, что черезъ нѣмецкое меньшинство въ Австріи нѣмцы имѣютъ возможность властвовать надъ десятками милліоновъ австрійскихъ славянъ. Во имя этого онъ „скроменъ" въ своихъ требованіяхъ къ Австріи. Онъ борется противъ неумѣренныхъ аппетитовъ придворныхъ прусскихъ круговъ. И онъ проводитъ свое „умѣренное" рѣшеніе, дающее возможность Германіи въ ея иностранной политикѣ скоро опереться на союзъ съ побѣжденной Австріей. 1866-ой годъ становится годомъ тріумфа „малогерманской" политики.

Сопротивленіе Австріи было разбито. Въ 1870 году въ началѣ франко-прусской войны Австрія на минуту колеблется: не вмѣшаться-ли ей въ войну, не поддержать-ли Наполеона III противъ Пруссіи; быть можетъ такимъ образомъ ей удастся взять реваншъ за 1866 г. Австрійскій министръ графъ Бейстъ стоитъ за вмѣшательство. Осторожный Андраши (венгерскій министръ) настаиваетъ на политикѣ выжида-

---

[1]) Фр. Энгельсъ стоялъ тогда за пораженіе Пруссіи. „Мое главное желаніе чтобы Пруссія получила жесточайшія колотушки. Тогда въ Берлинѣ произойдетъ переворотъ"... такъ писалъ онъ Марксу. См. переписку Маркса съ Энг. т. III, стр. 306.

тельнаго нейтралитета [1]). Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ прусскія войска наносятъ войскамъ Наполеона III рядъ сокрушительныхъ пораженій. У воинственныхъ австрійскихъ элементовъ пропадаетъ всякая охота къ вмѣшательству. Седанская битва не только рѣшила судьбу Наполеона III, не только упрочила окончательно германское единство. Седанская битва также окончательно рѣшила старый споръ: Пруссія или Австрія. 1870 — 1871 г.г. дополнили и завершили дѣло 1859, 1864, 1866 годовъ. Жребій былъ брошенъ окончательно. На вопросъ „Австрія или Пруссія?“ исторія дала отвѣтъ: *Пруссія!*

II. Австрія въ тройственномъ союзѣ.

Въ 1871 году сложилась германская имперія. Въ 1871 году побѣда Пруссіи надъ Австріей была окончательно закрѣплена. Передъ бисмарковской Германіей вставалъ вопросъ: что-же дальше?

Въ теченіе ряда лѣтъ Бисмаркъ лавируетъ между Австріей и Россіей. Дружбу съ послѣдней Германія поддерживаетъ и послѣ образованія тройственнаго союза. Этого прежде всего требовали династическіе интересы обѣихъ монархій. Андраши послѣ 1871 года выдвигаетъ планъ четвертного союза: Германія, Австрія, Италія, Англія. Въ противоположность этому плану Бисмаркъ проводитъ другой союзъ: союзъ трехъ императоровъ—Германіи, Австріи и Россіи. Въ числѣ другихъ соображеній въ пользу этого союза Бисмаркъ выдвигаетъ соображеніе о защитѣ монархическаго начала противъ республики и революціи. Но интересы Россіи и Австріи (т. е., конечно, правящихъ слоевъ обѣихъ этихъ странъ) враждебно сталкивались въ цѣломъ рядѣ пунктовъ. По мѣрѣ того, какъ крѣпла и развивалась міровая политика Германіи, по мѣрѣ того, какъ Германія

---

[1]) Richard Charmatz „Geschichte der auswärtiger Politik Oesterreichs im 19 Iahrhundert“, zweiter Teil (1848—1908), 1914 S. 75 и др.

упрочивала свое положеніе „великой“ державы, передъ нею неизбѣжно становилась дилемма: Австрія или Россія.

Длительный и прочный союзъ между Германіей и Россіей возможенъ былъ только на основѣ раздѣла Австріи. Правящіе круги Германіи вполнѣ хладнокровно взвѣшивали такой планъ дѣлежа. По свидѣтельскому показанію извѣстнаго вождя германскихъ имперіалистовъ Рорбаха, такое предложеніе дѣлалось Германіи еще и въ новѣйшее время. „Россія соблазняла насъ тѣмъ, что предлагала намъ взять тѣхъ 10 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ, которые въ 1866 и 1870/71 г.г. при нашемъ національномъ объединеніи должны были остаться внѣ рамокъ Германіи“—пишетъ Рорбахъ. Германія отклонила такой планъ. Почему? Изъ соображеній нравственности? Изъ вѣрности союзному долгу по отношенію къ Австріи? Ничуть! „По здравомъ размышленіи, мы рѣшили—говоритъ Рорбахъ, что тогда *Россія* черезъ короткое время „стала-бы слишкомъ сильна для насъ“. [1])

Приблизительно тѣ-же мотивы руководили Бисмаркомъ въ 70-ыхъ и 80-ыхъ годахъ. Онъ *хотѣлъ* близости съ Россіей. Но онъ не хотѣлъ „слишкомъ сильной“ Россіи.

Со стороны Австріи послѣ 1871 года Германіи такая опасность уже не угрожала. Она не могла уже стать „слишкомъ сильной“, т. е. она не могла стать такой силой, которая одинъ на одинъ имѣла-бы возможность бороться съ Германіей. Она обладала какъ разъ тѣми свойствами, которыя дѣлали ее идеальной союзницей въ глазахъ окрѣпшей Германіи. Германіи оказалось гораздо выгоднѣе оставить 10 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ (тогда ихъ было меньше) въ Австро-Венгріи, чтобы черезъ нихъ распространять нѣмецкое вліяніе на десятки милліоновъ австро-венгерскаго населенія. Германія какъ-бы пускала въ оборотъ, отдавала въ ростъ эти 10 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ, которые съ лихвой „окупали“ себя, оставаясь австро-венгерскими подданными. Черезъ нихъ Германія обезпечивала себѣ на будущее венгерскіе, чешскіе, польскіе, сербо-хорватскіе батальоны.

---

[1]) P. Rohrbach „Warum es der deutsche Krieg ist“.

Вотъ почему, стоя передъ дилеммой: Австрія или Россія,—Германія въ послѣднемъ счетѣ должна была выбрать Австрію. Бисмаркъ до самой послѣдней возможности старался „не обрѣзать проволоки изъ Берлина въ Петербургъ“. Онъ заключалъ съ Россіей оборонительные договоры, тайно отъ Австріи. Большую дружбу съ Россіей поддерживали и преемники Бисмарка. Но основой своей иностранной политики Германія сдѣлала союзъ съ Австріей—союзъ, въ которомъ Австрія, конечно, всегда играла подчиненную роль.

Отсюда родился двойственный союзъ—союзъ Германіи съ Австріей,—который впослѣдствіи превратился въ тройственный союзъ Германіи—Австріи—Италіи.

* * *

Тройственный союзъ и тройственное согласіе были двумя главными группировками державъ за послѣдній періодъ до міровой войны. И онѣ опредѣляли собой всю иностранную политику новѣйшаго времени.

Какъ возникли эти двѣ группировки? Что лежало въ основѣ ихъ?

На одной сторонѣ Германія, Австрія, Италія, на другой—Англія, Россія, Франція. Откуда именно такая, а не иная конфигурація державъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ гласитъ: данная конфигурація коренится въ условіяхъ новѣйшаго имперіализма.

Вернемся нѣсколько назадъ.

Въ войнѣ 1870/71 г.г. Бисмаркъ побѣдилъ Наполеона III-го и создалъ путемъ революціи сверху національное единство Германіи. Россія осталась нейтральной въ этой войнѣ. Офиціальная версія гласила, что Россія платитъ Пруссіи добромъ за добро: за нейтралитетъ Пруссіи въ крымской войнѣ Россія воздаетъ ей теперь нейтралитетомъ Россіи въ войнѣ 1870/71 г.г. На дѣлѣ русская дипломатія не могла не смотрѣть съ большимъ безпокойствомъ на усиленіе Пруссіи. Особенно *послѣ* окончанія войны 1870/71 г.г., когда громадное усиленіе Германіи за счетъ Франціи стало уже совершенно очевиднымъ.

Бисмаркъ послѣ окончанія франко-прусской войны повелъ двоякую линію. Германію онъ объявилъ достаточно

„насыщенной" аннексіей Эльзасъ-Лотарингіи, побѣдами 1864 и 1866 г.г. *Францію* онъ старался всячески поощрять въ ея *колоніальной* политикѣ. Онъ считалъ за благо, чтобы Франція отвлекала свое вниманіе, свои капиталы и свои войска въ далекую Африку и поменьше думала о реваншѣ здѣсь, въ Европѣ, реваншѣ за насильственно отторгнутую Эльзасъ-Лотарингію. А по отношенію *къ Россіи* онъ сталъ всячески преслѣдовать политику сближенія, стараясь поссорить ее съ Франціей.

Отсюда, между прочимъ, и стремленіе Бисмарка сохранить во Франціи республику.

Послѣ войны 1870/71 г.г., въ президентство Макъ-Магона и Жюля Греви, когда во Франціи сильны были тенденціи къ возстановленію французской монархіи, Бисмаркъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все возможное, чтобы этого *не* случилось. Онъ разсчитывалъ на то, что самодержавной Россіи гораздо труднѣе будетъ жить въ ладу съ республиканской Франціей, нежели съ монархической. Онъ надѣялся оживить въ Россіи старыя традиціи Священнаго Союза и увлечь правителей послѣдней на путь легитимистской борьбы, борьбы противъ „безбожной" французской республики. Бисмаркъ усиленно интриговалъ въ этомъ смыслѣ черезъ своихъ агентовъ внутри Франціи. Когда германскій посолъ во Франціи, Арнимъ, оказался недостаточно понятливымъ, чтобы проводить эту „республиканскую" политику, Бисмаркъ прогналъ его. А когда Арнимъ въ отместку Бисмарку опубликовалъ рядъ секретныхъ документовъ по этому поводу, выставившихъ богобоязненнаго монархиста Бисмарка въ роли сторонника безбожной республики,—Бисмаркъ добился осужденія Арнима въ тюрьму на 5 лѣтъ. (Арнимъ спасся отъ тюрьмы эмиграціей). [1])

Но рѣшающія событія происходятъ въ 1876—78 г.г. въ связи съ ходомъ дѣлъ на Балканахъ.

Все вниманіе русской дипломатіи въ это время приковано къ Балканскому полуострову. Въ 1876 году—начи-

---

[1]) См. объ этомъ: Gottlob Egelhaaf „Geschichte der neuesten Zeit", Stuttg. 1908, erstes Buch, § 6 „Frankreich 1871—79" Egelhaaf поклоняется культу Бисмарка и его признанія касательно Бисмарка особенно цѣнны.

нается война сербовъ и черногорцевъ противъ Турціи. Въ 1877 г. начинается русско-турецкая война (австрійскіе историки вполнѣ убѣждены въ томъ, что Россія хотѣла въ это время объявить войну *Австріи* и только Бисмаркъ помѣшалъ этому). Россіи удается нанести Турціи рядъ сокрушительныхъ ударовъ. Традиціонная политика, направленная къ покоренію Турціи, близка къ осуществленію. 3 марта 1878 года Россія заключаетъ въ Санъ-Стефано миръ съ побѣжденной Турціей. Черногорія должна была получить рядъ областей, въ томъ числѣ Антивари, т. е. выходъ къ Адріатическому морю. Сербія получала Нишъ, долину Дрина и т. д. Румынія получала Добруджу и отдавала Россіи Бессарабію. Россія получала Батумъ, Ардаганъ, Карсъ и Баязетъ и кромѣ того контрибуціи 1,3 милліарда рублей. Но еще важнѣе былъ пунктъ о болгарской границѣ. Болгарія должна была достичь размѣровъ половины всей европейской Турціи, т. е. получить территорію въ 165.000 кв. кил., отъ Дуная до Эгейскаго моря, съ 5 милл. жителей. Ей должна была принадлежать вся Македонія, кромѣ небольшой полосы, Салоники и т. д. Султану оставались изъ европейскихъ владѣній только Боснія и Герцеговина, Албанія, Өессалія и Эпиръ.

Но тутъ на сцену выступила, съ одной стороны, Германія, съ другой стороны,—Англія—тогдашній соперникъ Россіи въ отношеніи турецкаго наслѣдства. Англія мобилизовала свой флотъ, англійская нижняя палата вотировала военные кредиты, начались всестороннія военныя приготовленія. Англія рѣшительно заявила, что она требуетъ пересмотра С.-Стефанскаго договора. Сначала русская дипломатія какъ-бы готова была отвѣтить войной. Но Бисмаркъ „дружески“ предостерегъ отъ этого рискованнаго шага. Русская дипломатія вынуждена была покориться, и въ Берлинѣ созванъ былъ знаменитый берлинскій конгрессъ, который и пересмотрѣлъ С.-Стефанскій договоръ. Македонія и Салоники остались у Турціи. Россія получила только Батумъ, Ардаганъ и Карсъ. Болгарія достигла размѣровъ только 64000 кв. кил., за Турціей въ Европѣ осталось 176000 кв. кил. *Боснія и Герцоговина номинально остались за Турціей, но фактически*

перешли подъ протекторатъ Австріи. Проливы закрывались для военныхъ кораблей и т. д. Англія получила Кипръ и тогда-же за это обѣщала Франціи Тунисъ. Для Германіи Бисмаркъ за свои труды „честнаго маклера“ выторговалъ различныя торговыя льготы въ Дарданеллахъ и на Босфорѣ. А главное для балканской политики России было воздвигнуто громадное препятствіе, и тѣмъ самымъ была сильно поощрена балканская политика Австріи, за спиной которой стояла Германія.

„Предательство“ Бисмарка вызвало громадное озлобленіе. Германія явно не хотѣла поддерживать турецкой политики России. Она вырабатывала свою собственную турецкую политику. Она избирала Турцію объектомъ своей собственной всесторонней эксплоатаціи. И для этого союзъ съ Австріей былъ ей еще болѣе необходимъ.

Въ августѣ 1879 г. Александръ II-ой обращается съ письмомъ къ Вильгельму, заявляя ему открыто, что, разъ Германія не хочетъ поддерживать восточной политики России, это неизбѣжно приведетъ къ войнѣ России съ Германіей. Но для Германіи уже нѣтъ возврата. Интересы нѣмецкаго капитала предписываютъ ей опредѣленный путь. Это путь сближенія съ Австріей, путь подчиненія себѣ Австріи для общаго отпора России и для проведенія своей собственной балкано-турецкой политики.

7 октября 1879 года двойственный союзъ, союзъ между Германіей и Австріей подписанъ формально.

Уже онъ есть дѣтище имперіализма, въ томъ смыслѣ, что порожденъ имперіалистскимъ соревнованіемъ между Англіей и Россіей, съ одной стороны, и Германіей и Россіей—съ другой.

Точно также имперіалистскіе мотивы толкнули *Италію* примкнуть къ этому двойственному союзу и превратить его тѣмъ самымъ въ тройственный союзъ.

На Берлинскомъ конгрессѣ Италія пыталась получить отъ Австріи Тріентъ взамѣнъ за отдачу Босніи и Герцоговины подъ австрійскій протекторатъ. Это не удалось ей. Наступило охлажденіе между ней и Германіей-Австріей. Англія кормила Италію обѣщаніемъ „дать“ ей Тунисъ, о ко-

торомъ итальянскіе имперіалисты мечтали уже давно. Но въ то-же время Англія обѣщала Тунисъ *Франціи*. Въ 1878 году Англія наложила свою руку на Кипръ, который былъ ей особенно важенъ въ виду его географическаго положенія (близость къ Суэцкому каналу; Дизраэли еще въ 1875 году скупилъ больше половины акцій Суэцкаго канала). Какъ „компенсацію“ за это она гарантировала Франціи Тунисъ (который, конечно, Англіи никогда не принадлежалъ). Въ 1881 году Франція взяла Тунисъ—съ согласія Англіи. Бисмаркъ не протестовалъ. „Внѣ Европы дѣлайте, что хотите—только въ Европѣ оставьте насъ въ покоѣ“—сказалъ тогда Бисмаркъ французскому послу. Мы уже знаемъ, что онъ тогда до извѣстной степени поощрялъ колоніальную политику Франціи, желая отвлечь ея силы отъ Европы.

Италія восприняла захватъ Туниса Франціей, какъ ударъ въ спину. Возмущенію правящихъ слоевъ Италіи не было конца. И этотъ захватъ Туниса Франціей толкнулъ Италію къ Австріи и Германіи. Въ союзѣ съ этими державами она надѣялась скорѣе удовлетворить свои имперіалистскіе аппетиты. Отсюда въ 1882 году родился тройственный союзъ. (Союзъ формально заключенъ 2-го мая 1882 года).

Такъ вопросы о дѣлежѣ Турціи, о захватахъ на Балканахъ, о присвоеніи африканскихъ территорій (Тунисъ) привели къ образованію первой изъ важнѣйшихъ конфигурацій державъ новѣйшаго времени. Кто захватитъ Кипръ, чтобы имѣть опорный пунктъ для охраны Суэцкаго канала; кто присвоитъ Тунисъ; кто отхватитъ себѣ большій кусокъ Турціи; кто обезпечитъ себѣ большее приволье для своего „національнаго“ капитала въ Турціи и на Балканахъ—вотъ вопросы, подъ знакомъ которыхъ родился тройственный союзъ.

Имперіалистскіе мотивы группировокъ тогда не были еще такъ ясны, такъ обнаженно-откровенны, какъ теперь. Но рѣшающими все-таки были они.

III. Уходъ Италіи изъ тройственнаго союза.

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на исторіи другой коалиціи: тройственнаго согласія. Остановимся только на томъ, какъ тройственный союзъ опять превратился въ двойственный союзъ—какъ союзъ Германіи-Австріи-Италіи лишился своего третьяго члена.

Въ первую эпоху тройственнаго союза *Англія* въ большей или меньшей степени молчаливо *поддерживаетъ* этотъ союзъ. Она въ извѣстной мѣрѣ даже содѣйствуетъ его созданію. Безъ ея поддержки Италія не рѣшилась-бы открыто примкнуть къ тройственному союзу, изъ боязни передъ французскимъ флотомъ, противъ котораго Германія и Австрія въ ту пору не могли оказать ей серьезной поддержки. Англійскій флотъ прикрывалъ Италію отъ возможныхъ нападеній Франціи. Между тройственнымъ союзомъ и Англіей устанавливается видъ раздѣленія труда по формулѣ: „Англія даетъ флотъ, тройственный союзъ даетъ сухопутныя арміи". Это всецѣло соотвѣтствовало и тогдашней политикѣ Англіи и политикѣ Бисмарка.

Такое положеніе вещей опредѣляется тремя моментами: 1) тогдашнее соревнованіе по всей линіи между Англіей и Россіей. Англія должна была въ той или иной мѣрѣ поддерживать союзъ, направленный противъ ея главнаго соперника—Россіи; 2) колоніальное соперничество между Англіей и Франціей. До конца 90-ыхъ годовъ Франція не соглашалась окончательно признать первенство Англіи, и въ Африкѣ состязаніе носило самый ожесточенный характеръ. Борьба кипѣла особенно вокругъ Египта. Будучи несравненно сильнѣе на морѣ, Англія была слабѣе на сушѣ, и она должна была искать противъ Франціи возможнаго союзника, располагающаго внушительной сухопутной арміей; 3) соревнованіе на Средиземномъ морѣ между старой колоніальной державой—Франціей и только что пріобщающейся къ имперіализму—Италіей. Это соревнованіе заставляло Италію устремлять свои взоры въ сторону Англіи, а Англію—поощрять Италію противъ Франціи.

„Англія не боится развитія нашего флота—писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный итальянскій государственный дѣятель того времени, Франческо Криспи. Напротивъ, Англія радуется развитію итальянскаго флота, ибо такимъ образомъ возникаетъ морская сила, которая можетъ выступить противъ Франціи... Въ качествѣ друзей и союзниковъ англичанъ, мы можемъ ничего не бояться на морѣ“[1]).

И дѣйствительно, когда послѣ таможенной войны между Франціей и Италіей и въ связи съ цѣлымъ рядомъ франко-итальянскихъ треній изъ за Марокко, въ Тунисѣ, въ Массау и т. д. зимою 1888 года Франція концентрировала въ Средиземномъ морѣ свой флотъ противъ Италіи,—въ водахъ Средиземнаго моря сейчасъ-же появилась, угрожая Франціи, англійская эскадра. Англія, въ извѣстной мѣрѣ, поставила свой флотъ на службу тройственнаго союза.

Такъ продолжалось приблизительно до конца 90-хъ годовъ. Съ того момента, когда началось сближеніе между Англіей и Франціей, съ этого-же момента дано и сближеніе между Франціей и Италіей. Въ томъ-то и заключалась сила „сердечнаго соглашенія“ между Англіей и Франціей, что она на дѣлѣ означала не только вовлеченіе въ эту орбиту и Россіи, означала не только созданіе тройственнаго согласія, но одновременно и разрушеніе тройственнаго союза, отпаденіе отъ него Италіи. Германія въ продолженіе болѣе 10 лѣтъ дѣлала героическія усилія, чтобы спасти тройственный союзъ, чтобы удержать въ немъ Италію. Но пришли рѣшающія событія 1914 года, и Италія оказалась на сторонѣ противниковъ Германіи и Австріи. Это неизбѣжно вытекало изъ хода борьбы между различными имперіалистскими державами.

Положеніе Италіи въ „европейскомъ концертѣ“ за нѣсколько лѣтъ до войны превосходно обрисовано „однимъ изъ самыхъ выдающихся дипломатовъ и въ то же время лучшимъ знатокомъ современной Италіи“, бесѣдовавшимъ съ русскимъ дипломатомъ кн. Трубецкимъ въ маѣ 1908 года.

---

[1]) Цитирую по графу Ревентлову, „Deutschlands Auslands-Politik“ 1888—1913, стр. 11.

Этотъ выдающійся дипломатъ сказалъ:

„Антагонизмъ Италіи и Австріи изъ за преобладанія на Адріатическомъ морѣ, это—фактъ, котораго нельзя скрыть никакими внѣшними проявленіями дружбы...“

Отчего Италія остается въ тройственномъ союзѣ?

Прежде всего потому, что она не довольно сильна, чтобы рискнуть открыто отдѣлиться отъ Германіи. Такой разрывъ крайне обострилъ-бы австро-итальянскія отношенія... Но въ положительномъ смыслѣ слова, и Италія и союзники врядъ-ли могутъ расчитывать на сколько-нибудь серьезную помощь въ случаѣ войны. Съ одной стороны Германія, конечно, будетъ всегда поддерживать интересы Австріи на Адріатикѣ, съ другой—Италія никогда ничего не предприметъ, чтобы помочь своимъ германскимъ союзникамъ противъ единственнаго врага, на котораго они могли-бы желать при случаѣ направить ее, противъ Франціи. Порукой тому служатъ не только прямые интересы Италіи, но хотя-бы одно существованіе англо-французскаго соглашенія. *Наперекоръ Англіи Италія не имѣетъ фактической возможности, если-бы даже захотѣла, шевельнуть пальцемъ. Ея участь въ рукахъ Англіи. Послѣдняя можетъ уничтожить Италію, и здѣшніе государственные люди прекрасно отдаютъ себѣ въ этомъ отчетъ.*

„Хотите-ли знать мое личное мнѣніе?—продолжаетъ выдающійся французскій дипломатъ. Мнѣ кажется, что такое фактическое положеніе дѣлъ, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгоднѣе для Россіи и для Франціи, чѣмъ крутой разрывъ тройственнаго союза. При существующихъ отношеніяхъ Италія не можетъ представлять для нихъ никакой угрозы. Ея интересы толкаютъ ее къ сближенію въ конкретныхъ вопросахъ и съ ними, и съ Англіей. Германія и Австрія смотрятъ на эти „экстратуры“ (выраженіе Бюлова. Г. З) сквозь пальцы, стараясь удержать Италію въ союзѣ. Но еслибы Италія перешла открыто въ лагерь двойственнаго союза, то, не ставъ отъ этого полезнѣе для послѣдняго, *она могла-бы предъявить новымъ союзникамъ требованія*, на которыя сейчасъ не имѣетъ права. Я не говорю уже о

томъ, что общее политическое положеніе только обострилось-бы" [1]).

Эту оцѣнку надо признать необычайно трезвой и на рѣдкость откровенной...

Таково было положеніе Италіи въ 1908 году. Въ 1911 году она получила Триполи. Это была „компенсація" за прежнія услуги. Но — скоро предстояла общеевропейская война, къ которой обѣ коалиціи готовились въ продолженіе ряда лѣтъ. Взявши Триполи, итальянскіе имперіалисты теперь получили безспорное право за будущія услуги требовать новыхъ компенсацій. Они и получили отъ Англіи и отъ другихъ державъ соотвѣтствующія обѣщанія насчетъ Албаніи, Далмаціи, Истріи, портовъ Адріатики, равно какъ и насчетъ законной доли въ Малой Азіи и Африкѣ...

Такъ Италія ушла и формально изъ тройственнаго союза...

Какую роль сыграло спеціально столкновеніе интересовъ между ней и Австріей—объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

IV. Австрія и Италія.

Эпоха національныхъ войнъ смѣнилась эпохой войнъ имперіалистскихъ. И эта смѣна эпохъ, быть можетъ, ярче всего сказалась въ нынѣшней войнѣ между Австріей и Италіей. Войны 1859, 1864, 1866, 1870/71 г.г. были національными войнами. Онѣ велись изъ-за національнаго объединенія Италіи и Германіи. Походы Италіи противъ Австріи въ ту эпоху были оборонительными („справедливыми") національными войнами за освобожденіе итальянскаго народа отъ чуженаціональнаго гнета Австріи.

Въ 1877 году, въ разговорѣ между представителемъ Италіи, Криспи, и представителемъ Австро-Венгріи, Андраши, употреблены были слѣдующія двѣ фразы.

Разбирая препятствія для сближенія между Австріей и Италіей, графъ Андраши указалъ на итальянскихъ ирредентистовъ (сторонниковъ „освобожденія", оставшихся подъ

---

[1]) Кн. Трубецкой „Россія, какъ великая держава", 92, 93.

властью Австріи итальянцевъ для присоединенія ихъ къ Италіи) и замѣтилъ: удивительно, какъ эти люди не понимаютъ, что „при помощи грамматики не дѣлаютъ политики" т. е., что современная политика на дѣлѣ вовсе не опредѣляется такими вопросами, какъ „освобожденіе" тѣхъ или иныхъ „братьевъ", говорящихъ на томъ или иномъ языкѣ, пользующихся той или иной грамматикой. Криспи вполнѣ согласился съ Андраши и со своей стороны замѣтилъ: „Мы были революціонерами, чтобы создать Италію, мы стали консерваторами, чтобы сохранить ее" [1]).

Въ этихъ двухъ фразахъ предвосхищенъ весь путь, пройденный отъ эпохи національныхъ войнъ до новой эпохи... Криспи выразился, быть можетъ, не совсѣмъ точно. Надо было употребить не слово „консерваторъ", а слово „имперіалистъ". Но это послѣднее слово въ концѣ 70-хъ годовъ не было еще въ такомъ употребленіи, какъ сейчасъ.

Въ 1859 году дѣло шло объ освобожденіи Италіи изъ подъ многолѣтняго чужеземнаго ига Австріи, дѣло шло о созданіи итальянскаго единства, въ которомъ былъ заинтересованъ весь народъ, вся демократія. Австрія была угнетающей стороной, Италія—угнетаемой.

Въ 1859 году, передъ самымъ началомъ войны, такой человѣкъ, какъ Н. А. Добролюбовъ, клеймилъ Австрію, вкладывая ей въ уста слѣдующія слова:

— „Не стыдно-ль вамъ [2]), мятежные языки,
Возстать на насъ? Вѣдь ваши мы владыки!...
Мы сорокъ лѣтъ оберегали васъ
Отъ необдуманныхъ ребяческихъ проказъ...
Нашъ собственный языкъ, шпіоновъ, гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы,—
Все, все давали мы вамъ щедрою рукой...
И вотъ чѣмъ платите вы Австріи родной!...
Не стыдно-ль вамъ? Чего еще вамъ нужно?
Зачѣмъ не жить по прежнему намъ дружно?
Иль мало нашихъ войскъ у васъ стоитъ?
Иль полиція о дѣлѣ не радитъ?
Но донесите лишь—и въ мигъ мы все поправимъ,
И въ каждый домъ баталіонъ поставимъ...

---

[1]) Мемуары Ф. Криспи, Берлинъ 1912. См. Харматцъ, 1914.
[2]) Т. е. итальянцамъ.

Теперь дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ.

Италія временъ 1859 года не похожа на Италію 1877 года. Въ 1859 году—борьба противъ національнаго угнетателя. Въ 1877 году—начало союза съ этимъ самымъ угнетателемъ, во имя „новыхъ“ задачъ. Но ужъ совсѣмъ не похожа на Италію 1859 года, Италія временъ Абиссинскаго похода, Италія временъ борьбы за Триполи, Италія временъ ея соревнованія съ Австріей изъ-за Албаніи. Это—двѣ *различныхъ* эпохи...

Возьмите вопросъ о такъ наз. „оборонительной“ и „наступательной“ войнѣ. Ходячая нынѣ точка зрѣнія изображаетъ дѣло такъ: кто первый началъ войну, тотъ—нападающая сторона; тотъ, кому объявлена была война, тотъ только обороняется; тотъ ведетъ „справедливую“ войну, и всѣ демократы должны ему сочувствовать. Что дѣло въ дѣйствительности обстоитъ не такъ просто, это, опять-таки, быть можетъ, ярче всего иллюстрируется прежними и нынѣшними войнами между Австріей и Италіей.

Итальянская война 1859 года. Это—классическій примѣръ національной войны. Это типичная „справедливая“ оборонительная, въ *историческомъ* смыслѣ слова, война. Но это—вовсе не потому, что Австрія первая объявила войну Италіи. *Въ стратегическо-дипломатическомъ смыслѣ* дѣло обстояло не такъ просто. Въ Италіи уже давно ширилось и расло національное движеніе противъ австрійскаго чужеземнаго гнета. Послѣ Крымской войны дипломатическое положеніе дѣлъ сложилось такъ, что Австрія оказывалась на международной аренѣ болѣе или менѣе изолированной. Этимъ воспользовался Кавуръ, который начинаетъ усиленно готовиться къ войнѣ. Онъ укрѣпляетъ сардинскую армію и ищетъ союзниковъ для того, чтобы напасть на Австрію и освободить Италію отъ чужеземнаго гнета.

Правда Австрія *первая* объявила войну Италіи въ 1859 году, и австрійскія войска *первыя* перешли границу. Но въ *дипломатическомъ* отношеніи нападающей стороной была *не* она. Ей выгоденъ былъ status quo (старое положеніе вещей). Ей война не нужна была, она хотѣла-бы ее избѣгнуть. Но ее принудили воевать Кавуръ и Наполеонъ III. Въ *дипломати-*

ческомъ отношеніи это была наступательная война со стороны противниковъ Австріи. Но въ болѣе глубокомъ, единственно-важномъ, *историческомъ* смыслѣ это была война оборонительная для Италіи, война, въ которой создавалось исторически-прогрессивное итальянское единство, война, въ которой уничтожалась полу-феодальная національно-государственная раздробленность.

Почему обѣ стороны такъ усиленно добивались, чтобы именно противникъ первый объявилъ войну?

Разумѣется потому, что и тогда руководители иностранной политики желали использовать въ своихъ интересахъ тотъ эффектъ, который производитъ на массы населенія первый шагъ. Каждой сторонѣ хочется возложить въ глазахъ массъ весь odium (всю вину, всю ненависть) за войну на противника, каждая сторона желаетъ выставить зачинщикомъ другого.

Вотъ какъ описываетъ эффектъ отъ австрійскаго ультиматума одинъ изъ современниковъ, лично пережившихъ событія,—Н. Г. Чернышевскій:

„Дерзкій ультиматумъ разгнѣвилъ противъ Австріи всѣ нейтральныя державы и общественное мнѣніе цѣлой Европы. Пруссія, Россія, Англія протестовали противъ такого крутого образа дѣйствій въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Газеты цѣлой Европы разразились негодованіемъ на безразсудную наглость Австріи. Императоръ французовъ торжествовалъ: австрійскій кабинетъ не могъ сдѣлать ничего болѣе соотвѣтствовавшаго видамъ Тюльери. Вся дипломатическая тактика Наполеона стремилась къ тому, чтобы выставить передъ Европой Австрію зачинщицей войны, и теперь сама Австрія исполнила его желаніе, даже превзошла его надежды“ [1]).

Дальновидные люди, какъ Н. Г. Чернышевскій, уже въ моментъ событій видѣли и знали, что *дипломатически* войну вызвала не Австрія. Но для широкихъ массъ народа, для тѣхъ милліоновъ, для которыхъ общественное мнѣніе дѣлаютъ „газеты цѣлой Европы“, для нихъ напа-

---

[1]) Н. Г. Чернышевскій, томъ V, политика, стр. 166.

дающей стороной и въ смыслѣ дипломатическомъ выставлена была Австрія.

Австрія была въ войнѣ 1859 года въ историческомъ смыслѣ *нападающей* стороной *не* потому, что она первая объявила войну, *не* потому, что ея войска первыя перешли границу, а, *не взирая* на то, что дипломатическая наступательная тактика Кавура и его союзниковъ принудили Австрію первой объявить войну. Италія (Сардинія) была въ 1859 году *обороняющейся* стороной *не* потому, что ей первой врученъ былъ ультиматумъ, а *несмотря* на то, что она сама намѣренно вызвала врученіе этого ультиматума.

Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ внѣшніе конфликты между Италіей и Австріей. Теперь борьба происходитъ изъ за наслѣдства *третьихъ*. Борьба теперь ужъ подавно идетъ не изъ-за „грамматики"; она происходитъ изъ-за *самаго* прозаическаго соревнованія между австрійскимъ имперіализмомъ и его конкурентомъ.

Австрійскій имперіализмъ своеобразенъ въ томъ отношеніи, что объектомъ его стремленій является не колоніи въ Африкѣ или на востокѣ Азіи. Для этого у имперіалистовъ Австріи руки коротки. Не безъ лиризма австрійскіе имперіалисты говорятъ о томъ, что со времени отставки Андраши и до „эпохи" Эренталя, Австрія въ сущности совсѣмъ не вела той самостоятельной иностранной политики, какая подобаетъ „великой" державѣ. Достаточно напомнить, жалуется одинъ изъ нихъ, что Австрія не играла ровно никакой роли въ тѣхъ важнѣйшихъ міровыхъ конфликтахъ, которымъ положила начало война между Японіей и Китаемъ [1]).

У Австріи нѣтъ колоній. Ея „экспансія" возможна только за счетъ Балканъ.

Она должна была встрѣтиться *съ сопротивленіемъ Италіи.*

Албанія—вотъ первое яблоко раздора между австрійскими имперіалистами и ихъ итальянскими соперниками. Итальянскій имперіализмъ требуетъ своей доли въ турецкомъ наслѣдствѣ. Порты на албанскомъ побережьи Адріатики отдѣ-

[1]) См. у профессора Hötsch'a, „Oesterreich-Ungarn und der Krieg", серія „der Deutsche Krieg", стр. 19.

лены только узкой полосой моря отъ итальянскихъ портовыхъ городовъ Бари, Бриндизи, Отранто. Стоитъ только Италіи упрочиться на восточномъ побережьи Адріатики, и Албанія становится итальянской колоніей, а Адріатическое море становится итальянскимъ озеромъ. Черезъ Дураццо и Валону итальянскіе товары съ легкостью проникаютъ на всю территорію Балканъ.

Противъ этихъ плановъ борется не на жизнь, а на смерть австрійскій имперіализмъ. Овладѣвъ восточнымъ побережьемъ Адріатики, Италія можетъ закрыть австрійскимъ торговымъ судамъ дорогу между Отранто и Валоной, можетъ успѣшно конкурировать съ австрійскими товарами, можетъ заключить союзъ съ балканскими государствами противъ Австріи. Какъ-же австрійскимъ имперіалистамъ не бороться противъ всякой „экспансіи“ Италіи въ Албаніи?

Для борьбы противъ своего „союзника“ Италіи Австрія пользуется въ Албаніи всѣми доступными ей „мирными“ средствами. Прежде всего австрійскіе имперіалисты используютъ, какъ свое орудіе, католическую церковь. Австрія— великая католическая держава, и, въ качествѣ таковой, является покровительницей католиковъ Албаніи. Въ Скутари Австрія учреждаетъ семинарію іезуитовъ, въ которой получаетъ свое воспитаніе католическое духовенство сѣверной Албаніи. Свое образованіе представители этого духовенства завершаютъ въ австрійскихъ теологическихъ институтахъ—въ Зальцбургѣ, Виллахѣ и т. д. На это Австрія не жалѣетъ денегъ. Албанскимъ католикамъ, желающимъ пройти эту школу, оказываются щедрыя субсидіи и т. д.

Далѣе австрійскіе имперіалисты при помощи той-же католической церкви держатъ въ своихъ рукахъ школьное, больничное дѣло Албаніи и т. п. Католическій клиръ воспитываетъ католиковъ въ Албаніи въ той мысли, что австрійскій императоръ является-де ихъ естественнымъ защитникомъ и покровителемъ [1]).

Съ другой стороны, и итальянскіе имперіалисты принимали свои мѣры. Они также содержали въ Албаніи цѣлый

[1]) См. превосходную работу Отто Бауера „Балканская война и германская міровая политика“, Берл. 1912, стр. 28, 29 и др.

рядъ школъ, въ которыхъ больше сосредоточиваются магометанскіе и другіе элементы албанцевъ. Итальянскія торговыя компаніи являются крупными собственниками въ гавани Антивари. Желѣзная дорога Антивари-Вирбазаръ и судоходство на Скутарійскомъ озерѣ — въ итальянскихъ рукахъ. Въ Скутари упрочился итальянскій банкъ. Въ южныхъ портовыхъ городахъ господствуетъ итальянскій капиталъ [1]).

Въ 1907 году Австрія съ Италіей заключили договоръ, въ силу котораго ни та, ни другая сторона не должна была захватывать Албаніи. Если-бы наступилъ крахъ Турціи, Албанія должна была стать автономной страной. Но договоръ 1907 года не могъ принести дѣйствительнаго рѣшенія вопроса. Раньше или позже „мирныя" средства завоеванія Албаніи должны были смѣниться средствами войны. Война есть продолженіе политики—только другими средствами. Такъ было и въ 1915 году у австрійскихъ имперіалистовъ и у ихъ соперниковъ. Вопросъ объ Албаніи, о портахъ Адріатики явился однимъ изъ главныхъ мотивовъ современной войны между Австріей и Италіей.

Дѣятели итальянскаго имперіализма не перестаютъ думать о турецкомъ наслѣдствѣ. Уже въ 1890 году итальянскіе имперіалисты стучатся въ дверь Англіи, чтобы при ея помощи получить свою долю въ Африкѣ (Триполи). Въ это время отношенія между англійскими и французскими имперіалистами еще были очень натянуты. Въ 1890 году Криспи пишетъ представителю Англіи, графу Сольсбери: „если перемѣна власти въ Тунисѣ совершится безпрепятственно и

---

[1]) Съ какимъ успѣхомъ борется итальянскій капиталъ съ австрійскимъ на восточномъ берегу Адріатическаго моря показываетъ слѣдующая табличка, изображающая въ %% сравнительное участіе въ торговлѣ *Скутари* двухъ австрійскихъ пароходныхъ обществъ, „Австр. Ллойда" и „Рагузскаго", и одного итальянскаго „Апулія".

Года.	„Австр. Ллойдъ".	„Рагузское".	„Апулія".
1901	46	40	14
1902	48,7	31	14,4
1903	45,8	27,7	26,5
1904	22,2	23,7	43,5
1905	8,9	14,9	56,7

безъ нашего вѣдома, то скоро наступитъ очередь Триполи... Такъ какъ Тунисъ нельзя возвратить самому себѣ и такъ какъ нельзя помѣшать протекторату (Франціи надъ Тунисомъ) превратиться въ одинъ прекрасный день въ суверенитетъ, то необходимо обезопасить себя отъ возможнаго захвата Триполитаніи Франціей, занявъ эту провинцію раньше ея. Если намъ будетъ принадлежать Триполитанія, то Бизерта не будетъ представлять опасности ни для Италіи ни для Великобританіи". На это графъ Сольсбери уклончиво отвѣчаетъ: „Въ такихъ дѣлахъ преждевременныя предосторожности представляютъ большую опасность... Если я смѣю дать совѣтъ Вашему Превосходительству, то я буду Васъ усиленно просить дѣйствовать съ большою осторожностью и большимъ терпѣніемъ въ настоящемъ дѣлѣ и избѣгать, пока планы Франціи не выяснятся окончательно, всякихъ дѣйствій, которыя насъ скомпрометируютъ передъ султаномъ" [1]). Итальянцы, однако, продолжали настаивать. Въ 1890 году итальянскіе имперіалисты получаютъ отъ „дружественныхъ правительствъ", въ Вѣнѣ и Берлинѣ, согласіе на выдачу Триполитаніи Италіи. До полной реализаціи этой программы прошелъ, правда, еще цѣлыхъ 21 годъ, но первый шагъ былъ сдѣланъ въ концѣ 80-хъ годовъ. Взять Триполи итальянцы смогли только въ 1911 году. И „союзники": Турція, Австрія и Германія, должны были примириться съ тѣмъ, что тоже „союзная" имъ Италія отнимаетъ у Турціи важную для послѣдней провинцію...

Австрійское правительство въ лицѣ Эренталя открыто заявило Италіи свое недовольство по поводу занятія ею Триполитаніи. Но тогдашній итальянскій посолъ въ Вѣнѣ, герцогъ Аварна, по свидѣтельскому показанію германскаго имперіалиста профессора Даніэльса, „успокоилъ" австрійскихъ имперіалистовъ тѣмъ, что послѣ аннексіи Триполи Италія-де будетъ считать себя вполнѣ „насыщенной" и, благодаря этому, станетъ гораздо болѣе надежнымъ членомъ тройственнаго союза.

---

[1]) См. у барона Б. Э. Нольде „Внѣшняя политика", Петроградъ, 1915 г., стр. 101, 127, 129.

На дѣлѣ случилось, конечно, не такъ. Италія пошла и дальше. Она предъявляетъ требованія не только на африканскія территоріи, но и на извѣстныя части азіатской Турціи, на куски Малой Азіи. Въ 1913 году итальянскіе имперіалисты сумѣли добиться концессіи на Адалійскую желѣзную дорогу [1]). Они настоятельно требовали своей доли въ турецкомъ наслѣдствѣ и сталкивались на каждомъ шагу съ австрійскимъ и особенно съ германскимъ имперіализмомъ...

Когда война 1914 года началась, для австрійскихъ (и германскихъ) имперіалистовъ было совершенно ясно, что объ участіи Италіи въ войнѣ на сторонѣ Австріи и Германіи не можетъ быть и рѣчи. Вопросъ шелъ только о томъ, чтобы той или иной цѣной купить ея *нейтралитетъ*. Австрійскіе имперіалисты только дѣлали видъ, будто ничего особеннаго не случилось и будто они вполнѣ увѣрены, что Италія „выполнитъ свой долгъ“ и немедленно мобилизуетъ свою армію противъ тройственнаго согласія. Чтобы нащупать почву, австрійскій главнокомандующій Гетцендорфъ 4 августа 1914 года съ самымъ невиннымъ видомъ телеграфируетъ „своему коллегѣ“ начальнику итальянскаго генеральнаго штаба генералу Кадорна, предлагая ему устроить совѣщаніе по вопросу о томъ, какъ лучше координировать дѣйствія австро-венгерской и итальянской армій. Генералъ Кадорна сухо телеграфируетъ въ отвѣтъ: „совѣщаніе безполезно, такъ какъ совѣтъ министровъ постановилъ нейтралитетъ Италіи“... Впрочемъ, прибавляетъ тотъ-же генералъ Кадорна: „Легкая мобилизація (въ Италіи) начата. Если Австро-Венгрія не займетъ Ловчена и не нарушитъ равновѣсія на Адріатикѣ, то Италія никогда не выступитъ противъ (!!) Австріи“. Дѣло было ясно. Это была уже прямая угроза по адресу Австріи.

Австрійскіе имперіалисты расписались въ полученіи.., и открыли торгъ о цѣнѣ нейтралитета. Ходъ переговоровъ между Австріей и Италіей съ этого времени до вступленія Италіи въ войну, какъ нельзя болѣе, характеризуетъ имперіа-

---

[1]) K. Kjellén „Die Grossmächte der Gegenwart“, 1914, стр. 33 и др.

листскій характеръ современной внѣшней политики. Стоитъ только поближе присмотрѣться къ предмету спора, чтобы видѣть, что теперь дѣло шло не о національной свободѣ, не объ освобожденіи угнетенныхъ, а только—о наслѣдствѣ третьихъ лицъ.

Уже во время Балканскаго кризиса 1908—1909 года (аннексія Босніи-Герцоговины Австріей) Италія потребовала „разъясненія“ пункта 7 договора о тройственномъ союзѣ въ томъ смыслѣ, что если-бы Австрія въ силу обстоятельствъ оказалась вынужденной, хотя-бы только временно, занять Санджакъ, Италія имѣетъ право потребовать „компенсацій“. Въ 1912 году на очередь ставится вопросъ объ Эгейскихъ островахъ. Австрія не желаетъ допустить до занятія ихъ Италіей. Послѣ долгихъ торговъ графъ Берхтольдъ соглашается „отдать“ Италіи Родосъ, Карпатосъ и Стампалію. Но итальянцы требуютъ еще кромѣ того лучшіе острова архипелага—Лесбосъ и Хіосъ. Тогда Австро-Венгрія въ свою очередь требуетъ „компенсаціи“ на основаніи того-же пункта 7-го. За то какъ только сталъ извѣстенъ австрійскій ультиматумъ Сербіи въ 1914 году, Италія, ссылаясь опять-таки на пресловутый пунктъ 7-ой, немедленно заявляетъ Австріи, что если дѣло дойдетъ до войны, она требуетъ себѣ „компенсаціи“ за могущія быть занятыми Австріей сербскія территоріи. Пляска „компенсацій“!...

Война начинается. И въ телеграммахъ отъ 4 и 9 августа 1914 года (теперь опубликованныхъ во второй „красной“ книгѣ, выпущенной Австріей) графъ Берхтольдъ сулитъ Италіи, въ случаѣ благопріятнаго исхода войны, „главенство на западномъ побережьи Средиземнаго моря, первое мѣсто между романскими народами, *Савойю, Тунисъ*“ и многое другое. На первое-же заявленіе Италіи австрійскіе имперіалисты изъявляютъ согласіе поторговаться о компенсаціяхъ за могущую быть ими занятой территорію Сербіи. Переговоры затягиваются. Для „запроса“ графъ Берхтольдъ заявляетъ, что, на основаніи все того-же пункта 7-го договора тройственнаго союза, онъ требуетъ *для Австріи* „компенсаціи“ за занятіе итальянскими войсками Валоны. Вскорѣ графа Берхтольда смѣняетъ баронъ Буріянъ. Новый австро-венгер-

скій министръ пробуетъ дѣлать видъ, что онъ будетъ менѣе уступчивъ. Однако, подъ дуломъ револьвера онъ скоро становится сговорчивѣе. Почти всѣ главныя „ирредентистскія“ требованія австрійскіе имперіалисты согласны удовлетворить: Трентино и пр. они „отдаютъ“, даже относительно Тріеста они согласны поторговаться. Но руководители Италіи, во-первыхъ, плохо вѣрятъ въ „честность“ австрійскихъ имперіалистовъ: черезъ короткое время, вы, господа, посредствомъ новой войны опять захватите эти провинціи, заявляютъ они съ полной откровенностью своимъ бывшимъ „союзникамъ“. А главное, руководители итальянской политики требуютъ себѣ еще и Истріи, главнѣйшую группу острововъ Далмаціи, затѣмъ почти всю Албанію и т. д.

Австрійскіе имперіалисты посмѣивались надъ тѣмъ, что французскія предложенія, сдѣланныя Италіи, будто-бы совсѣмъ ничтожны. Что̀ обѣщаютъ вамъ французы?—говорили они. Тунисъ, или, вѣрнѣе,—только часть его, да еще нѣсколько десятковъ километровъ земли при Вентимильѣ, въ отнятомъ у васъ-же въ 1860 году графствѣ Ницца. Вѣдь это-же сущіе пустяки. „Мы“ предлагаемъ вамъ гораздо больше. „Мы“ гораздо щедрѣе (за чужой счетъ, конечно)...

Руководители итальянской политики не согласились съ выкладками австрійскихъ имперіалистовъ. У нихъ были свои расчеты. „Бездушный политическій позитивизмъ взялъ верхъ въ Римѣ“,—гнѣвно бросаетъ итальянцамъ германскій имперіалистъ Эмиль Даніэльсъ [1]). Можно подумать, что за то австрійскіе и германскіе имперіалисты руководятся чистѣйшимъ идеализмомъ, а не презрѣнными и „бездушными“ интересами „своего“ имперіализма... Но уже давно извѣстно, что имперіалисты (какъ и соціалъ-шовинисты) каждой страны видятъ сучекъ въ глазу сосѣда и не замѣчаютъ бревна въ собственномъ глазу.

---

[1]) Emil Daniels „Oesterreich—Ungarn und Italien“, Preussische Jahrbücher, 1915, стр. 469.

Послѣ „измѣны" Австріи во время Крымской войны поэтъ-дворянинъ Алексѣй Толстой клеймилъ коварную „союзницу" въ желчныхъ стихахъ:

— „Кто мнѣ другъ, тотъ другъ мнѣ вѣчно,
Всѣ родные сердцу близки,
Всѣмъ союзникамъ служу я,
— *По австрійски, по австрійски!*"

Пусть поэты правящей Австріи восклицаютъ теперь съ негодованіемъ: по итальянски, по итальянски...

V. Австрія, Россія и Балканы.

Новѣйшая политика австрійскаго имперіализма на Балканахъ опредѣлялась слѣдующими тремя главными соображеніями.

Ему необходимо было, во первыхъ, во что бы то ни стало воспрепятствовать увеличенію территоріи Сербіи. Къ идеѣ „Великой Сербіи" австрійскіе имперіалисты не могли не относиться самымъ враждебнымъ образомъ. Если бы Сербія расширила свою территорію, проложивъ себѣ выходъ къ морю, она могла-бы освободить себя отъ австрійской зависимости.

Кромѣ этого перваго соображенія австрійскіе имперіалисты въ борьбѣ противъ Сербіи руководились еще вторымъ, которое австрійскій соціалъ-демократъ Отто Бауэръ называетъ національно-политическимъ. Большинство сербо-кроатскаго населенія, какъ извѣстно, находится въ подданствѣ у Габсбургской монархіи. Австро-Венгерская реакція управляла въ Кроаціи и Славоніи при помощи пресловутыхъ „комиссаріатовъ", а въ Босніи и Герцеговинѣ при помощи простой военной диктатуры. Австрійскіе имперіалисты не въ состояніи были создать для „своихъ" юго-славянъ настолько свободную жизнь, чтобы тѣ навсегда привязались къ Австро-Венгріи и не глядѣли въ сторону. Австрійскіе имперіалисты не безъ основанія опасались, что, если Сербія получитъ выходъ къ морю, укрѣпится и процвѣтетъ, она

станетъ сильнымъ центромъ притяженія для австрійскихъ сербо-кроатъ, станетъ своего рода сербскимъ Пьемонтомъ. Тутъ внутренняя политика, какъ это часто бываетъ, тѣснѣйшимъ образомъ переплеталась съ политикой внѣшней. Для того, чтобы успѣшнѣе проводить реакціонную политику внутри страны надо было, въ области иностранной политики, душить Сербію

И, наконецъ,—третье соображеніе австрійскихъ имперіалистовъ имѣло для нихъ еще большее значеніе, ибо связано со всѣмъ ихъ планомъ великой „міровой“ политики. Золотой мечтой австрійскихъ имперіалистовъ является—расширить австрійскія владѣнія до Эгейскаго моря, сдѣлать Салоники австрійскимъ портомъ, добиться полнаго господства надъ восточнымъ побережьемъ Средиземнаго моря. Препятствій для рѣшенія этой задачи было очень много. Австрійскіе имперіалисты издавна имѣли серьезныя основанія опасаться, что, если они раньше времени протянутъ руку къ Салоникамъ, это неминуемо вызоветъ противъ нихъ войну со стороны Россіи, Италіи и балканскихъ государствъ. Но австрійскіе имперіалисты тѣмъ не менѣе продолжали лелѣять этотъ планъ, выжидая, пока наступитъ болѣе благопріятная „ситуація“. Пока-же изъ этого вытекало только одно: ни въ какомъ случаѣ не позволить Сербіи занять Санджакъ [1]) и прежнія сербскія земли.

Австрія не могла осмѣлиться сама захватить Салоники. Но она не могла потерпѣть и того, чтобы Сербія заняла земли, лежащія между ней и Салониками. Такимъ образомъ, Австрія до поры до времени стала защитницей status quo (стараго положенія) на Балканахъ.

Этимъ самымъ Австрія становилась защитницей чужеземнаго турецкаго владычества надъ южно-славянскими народами, защитницей эксплуатаціи сербскихъ крестьянъ турецкими земельными собственниками, защитницей порабощенія балканскихъ христіанъ господствующимъ классомъ магометанъ. Такимъ образомъ, Австрія, по выраженію австрій-

---

[1]) Новобазарскій *санджакъ*—старая турецкая провинція, отдѣлявшая, до 1913 г., Сербію отъ Черногоріи.

скаго с. д. О. Бауэра, вернулась къ политикѣ злѣйшаго реакціонера Меттерниха, который покровительствовалъ Турціи въ ея борьбѣ противъ освободительныхъ войнъ грековъ и сербовъ. Австрія стала „врагомъ ихъ свободы и ихъ національнаго объединенія, она выступила, какъ *контръ*-революціонная сила, какъ покровительница соціальной и политической реакціи“ (Бауэръ).

Австрія выступила такимъ образомъ въ роли душительницы національной революціи южнаго славянства. Если гдѣ еще можно было говорить въ извѣстномъ смыслѣ о защитѣ національно-освободительныхъ интересовъ въ старомъ смыслѣ слова, то, можетъ быть, только въ Сербіи. „Если с.-дія вообще имѣла гдѣ-бы то ни было право голосовать за войну, то въ первую голову—въ Сербіи“,—писалъ извѣстный сербскій соціалистъ Душанъ Поповичъ. Но—продолжалъ онъ—„для насъ было рѣшающимъ то обстоятельство, что австро-сербская война есть лишь маленькая частица, есть лишь *увертюра къ міровой европейской войнѣ*, которая по нашему глубокому убѣжденію — рѣзко выраженная имперіалистская война“. Мы доказывали, писалъ другой вождь сербской с.-діи Т. Кацлеровичъ,—что Сербія съ ея національными стремленіями и своей территоріей станетъ только размѣнной монетой при расчетахъ между европейскими имперіалистскими державами... Мы доказывали, что сербская буржуазія хочетъ въ этой войнѣ реализовать „великую Сербію“, „великое южно-славянское государство“ и что поэтому она ведетъ не національную, а завоевательную войну“...

Но вернемся къ событіямъ *до* войны 1914 года.

Мы видѣли, что австрійскіе имперіалисты должны были до поры до времени ревниво оберегать status quo на Балканахъ. Но Балканская война 1912 года нанесла этой политикѣ рѣшающій ударъ. Послѣ войны 1912—13 года политика status quo стала явно безнадежной. Стало ясно, что турецкое владычество на Балканахъ больше не удержится. И тутъ-то австрійская политика дѣлаетъ рѣзкій поворотъ.

Бисмаркъ когда-то сказалъ, что примѣръ созданія германской имперіи въ сущности указуетъ дорогу политикѣ Австріи на Балканахъ. Австрія-де тоже могла-бы оставить

неприкосновенной сербскую династію, оставить Сербіи ея формальную государственную цѣлость и все-таки присоединить ее къ австрійской коронѣ, какъ это нѣкогда сдѣлала Пруссія съ мелкими нѣмецкими государствами. Приблизительно такую программу Австрія и пыталась осуществить въ теченіе второй фазы балканской войны. Австрія изъявила готовность оставить Сербіи ея завоеванія въ Македоніи — только на слѣдующихъ трехъ условіяхъ: 1) Сербія должна въ безсрочномъ торговомъ договорѣ признать рядъ привилегій за Австріей на сербскомъ рынкѣ. 2) Сербія должна заключить военную конвенцію съ Австріей. 3) Австріи должна быть обезпечена постройка Санджакской желѣзной дороги и контроль надъ желѣзной дорогой Нишъ-Митровица-Салоники [1].—Не больше и не меньше!...

Положеніе австрійскихъ имперіалистовъ стало еще болѣе „щекотливымъ“, когда сербскія войска стали черезъ Албанію пробираться къ Адріатикѣ. Именно тамъ Сербія хочетъ воздвигнуть свой „коридоръ къ морю“. А Австрія какъ разъ этого-то и не хочетъ допустить, или—согласна примириться съ этимъ только при указанныхъ политическихъ и экономическихъ уступкахъ со стороны Сербіи. Какъ только Сербія получитъ портъ на Адріатикѣ, доступъ въ Сербію становится гораздо ближе для промышленныхъ округовъ верхней Италіи, чѣмъ для текстильныхъ округовъ Богеміи и Моравіи. Сѣверная Албанія тогда попадаетъ въ руки къ Сербіи, и при рѣшеніи албанскаго вопроса Австрія могла-бы имѣть противъ себя сербо-итальянскій союзъ.

Во время третьей фазы балканской войны Австрія выдвигаетъ планъ автономіи Албаніи—въ противовѣсъ Сербіи, которая ради своего „коридора къ морю“ готова принести въ жертву свободу Албаніи. Италія поддерживаетъ въ этомъ планѣ Австрію, чтобы тѣмъ воспрепятствовать раздѣлу Албаніи между Сербіей и Греціей и оставить себѣ открытой дорогу къ восточному побережью Адріатики. Но это соглашеніе между Австріей и Италіей относительно автономіи

---

[1]) Otto Bauer „Der Balkankrieg und die deutsche Weltpolitik“, 1912, 42, 43. Cp. Graf Ernst zu Reventlow „Deutschlands auswärtige Politik 1888—1913“, 370, 381.

Албаніи является не больше, какъ эпизодомъ въ борьбѣ между обѣими державами за экономическое и политическое порабощеніе „автономной“ Албаніи...

Великосербская агитація не могла, по указаннымъ причинамъ, не тревожить австрійскихъ имперіалистовъ. Но, съ другой стороны, военно-клерикальная партія Австріи сама сознательно раздувала великосербскую „интригу“, стремилась представить это движеніе болѣе сильнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Въ послѣдніе годы передъ войной австрійская военно-клерикальная клика, во главѣ которой стояли убитый въ Сараевѣ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ и его подручный, баронъ фонъ-Хлумецкій, прямо неистовствовала, стараясь обострить конфликтъ съ Сербіей. Въ 1909 году эта клика сфабриковала черезъ профессора Фридмана извѣстный „документъ“, который долженъ былъ показать всему міру, какой дьявольскій „заговоръ“ противъ Габсбургской монархіи подготовили сербы, и который имѣлъ только тотъ маленькій недостатокъ, что онъ былъ отъ начала до конца поддѣланъ. Затѣмъ послѣдовало мнимое мученичество австрійскаго консула Прохаски въ Ускюбѣ. Затѣмъ пришелъ уже подлинный заговоръ въ Сараевѣ, — заговоръ, который, по независящимъ обстоятельствамъ, не могъ уже быть использованъ самимъ Францемъ-Фердинандомъ, но который былъ использованъ его кликой вполнѣ въ его духѣ — какъ поводъ для разбойничьяго нападенія на Сербію.

25 іюля 1914 г. (новаго стиля) за нѣсколько дней до объявленія войны центральный органъ германской соціалъ-демократіи „Vorwärts“, писалъ:

— Намъ говорятъ, что, поддерживая Австрію въ ея борьбѣ противъ Сербіи, мы будемъ бороться за свободу и культуру. Нѣтъ! Не за культуру будемъ мы бороться, а *„за венгерскихъ свиней и за венгерскія сливы, за пресловутый § 14* [1]*), за „культуру“ Фридмана-Прохаски, за сохраненіе башибузукскаго хозяйничанья турокъ въ Малой Азіи, за контръ-революцію на Балканахъ“*.

[1]) Рѣчь идетъ о пресловутомъ реакціонномъ параграфѣ 14-мъ австрійской конституціи, позволяющемъ правительству проводить законы безъ парламента. Это — нѣчто въ родѣ ст. 87 русской конституціи.

Золотыя слова!

Къ нимъ надо-бы только добавить: за разореніе турецкихъ крестьянъ Deutsche Bank'омъ, за разбойничьи интересы кучки *германскихъ* имперіалистовъ.

* *

Альфой и омегой *русской* политики на Балканахъ являются Константинополь и проливы. Уже Бисмаркъ сказалъ, что Босфоръ и Дарданеллы являются для правящей Россіи „ключемъ отъ дома“, поскольку рѣчь идетъ объ ея владѣніяхъ на Черномъ морѣ. Традиціонная политика поддержки балканскихъ славянъ противъ турокъ связана именно съ названной цѣлью русской дипломатіи на Балканахъ. Русская дипломатія была иниціаторомъ и покровителемъ Балканскаго союза. Ближайшей ея цѣлью при этомъ было — открыть Босфоръ и Дарданеллы для русскихъ военныхъ судовъ. Со времени извѣстнаго договора 1841 года путь, соединяющій Черное море съ Эгейскимъ моремъ, закрытъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Балканскій союзъ былъ мобилизованъ для того, чтобы открыть этотъ путь. Въ моментъ, когда военный флотъ Россіи сможетъ появиться передъ Константинополемъ, этотъ величайшій торговый центръ Востока, — въ ея рукахъ. Пріобрѣтеніе Сербіей пригодныхъ портовъ на Адріатическомъ морѣ важно для названныхъ плановъ потому, что при тѣхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между Россіей и Сербіей, это означало-бы, что первая тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ важные опорные пункты для своего флота.

На это и надѣялась русская дипломатія въ началѣ Балканской войны 1912 года...

Побѣды болгарскаго оружія въ этой войнѣ вскорѣ породили опасенія, какъ-бы Болгарія не стала слишкомъ сильна на Балканахъ, настолько сильна, что она сама могла-бы претендовать на роль суверена Балканъ... Отсюда и извѣстная группировка въ „войнѣ славянъ между собою“, окончившейся въ пользу Сербіи извѣстнымъ мирнымъ договоромъ въ Букарестѣ. Балканскій союзъ отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть. Опасность „чрезмѣрнаго“ укрѣпленія Балканскаго союза исчезла. „Седьмая великая держава“ (Балкан-

скій союзъ) оказался мифомъ. Въ результатѣ — громадное обостреніе между Австріей и Россіей.

Уже въ 1908 году произошли событія, сыгравшія рѣшающую роль во взаимоотношеніяхъ между Австріей и Россіей. На извѣстномъ свиданіи въ Бухлау австрійскій министръ Эренталь обѣщалъ русскому министру Извольскому за аннексію Босніи-Герцеговины Австріей открыть Дарданеллы для Россіи. Австрія Боснію-Герцеговину аннексировала, а Дарданеллы остались не открытыми. Война между Россіей и Австріей (а стало-быть и европейская война) могла возникнуть уже въ 1908—09 годахъ Но Россія не могла еще быть готова тогда—черезъ три года послѣ русско-японской войны.

Послѣ боснійскаго кризиса было вполнѣ ясно, что война между Россіей и Австріей—дѣло рѣшенное, и что это только вопросъ большей или меньшей отсрочки. Послѣ балканскихъ войнъ и Букарестскаго мира стало несомнѣнно, что это вопросъ уже самаго ближайшаго будущаго.

Мы *не можемъ* въ настоящей работѣ касаться сколько нибудь подробно иностранной политики Россіи—ни ея иностранной политики вообще, ни балканской политики въ частности.

Остановимся только въ самыхъ короткихъ словахъ на той программѣ требованій, которую взаимно выдвигаютъ во время войны 1914—16 гг. руководящіе политическіе круги Австріи и Россіи. Эта программа — при всѣхъ преувеличеніяхъ, обусловленныхъ разгорѣвшимися военными страстями, показываетъ, какъ много горючаго матеріала накопилось въ политикѣ той и другой страны. Австрійскіе имперіалисты, какъ извѣстно, не мирятся ни на чемъ другомъ, какъ отнятіе русской Польши, украинскихъ губерній, Литвы, Бѣлоруссіи и т. д.

Съ другой стороны, очень обширную программу выдвигаютъ и союзники. Программу союзниковъ относительно Австріи одинъ французскій писатель формулируетъ въ слѣдующихъ 5 пунктахъ:

„1. Уступка Галиціи новому польскому королевству.

2. Уступка Босніи королю Сербіи.

3. Превращеніе Австро-Венгріи въ федеративное государство.

4. Автономія Богеміи и Кроаціи.

5. Разрывъ союза съ Германіей“ [1]).

Программа вліятельныхъ русскихъ политическихъ партій тоже весьма общирна.

Возьмемъ для примѣра не крайнія партіи, а умѣренно-либеральную буржуазію. Ея вліятельнѣйшій представитель *П. Н. Милюковъ* въ сборникѣ „Чего ждетъ Россія отъ войны“ отъ имени этихъ круговъ увѣренной рукой начерталъ слѣдующую программу въ 8-ми пунктахъ:

1) Отнятіе восточной Галиціи и Угорской Руси („завершеніе дѣла великаго князя Ивана Калиты“).

2) Отнятіе западной Галиціи и Познани. П. Н. Милюковъ поясняетъ: „Установленіе восточной границы Польши подъ скипетромъ русскаго царя является въ извѣстной степени нашимъ внутреннимъ дѣломъ... При автономномъ устройствѣ Польши, территоріальныя пріобрѣтенія въ ея пользу не должны, конечно, считаться непосредственными пріобрѣтеніями Россіи“.

3) Отнятіе нѣмецкой анклавы въ сѣверной части Восточной Пруссіи съ Кенигсбергомъ, съ населеніемъ около $1^1/_2$ мил. „Оставить этотъ оазисъ въ черезполосномъ владѣніи Германіи невозможно, и Россіи придется создать изъ него новую остзейскую губернію“.

4) „Пріобрѣтеніе Босфора и Дарданеллъ въ полное обладаніе Россіи, вмѣстѣ съ Константинополемъ и достаточною частью прилегающихъ береговъ, чтобы обезпечить защиту проливовъ“.

5) „Признаніе Адріанополя частью Константинопольскаго „Hinterland“'а, т.-е. пріобрѣтеніе и Адріанополя“.

6) „Опредѣленіе того, достаточно-ли ограничиться лишь полосами территоріи, прилегающей къ самымъ проливамъ, или необходимо *также присоединить и берегъ Мраморнаго моря*, должно принадлежать военнымъ (очевидно, русскимъ) авторитетамъ.

---

[1]) „L'Autriche et les autrichiens“, par Christian de L'Isle, Paris 1915, стр. 92.

7) Пріобрѣтеніе полосы отъ Зивина до Баязета и т. д.

8) Полное лишеніе Турціи ея верховныхъ правъ на азіатскія провинціи и установленіе надъ Арменіей суверенитета Россіи. Въ послѣднемъ случаѣ освобожденіе Арменіи отъ турецкой власти сопровождалось бы введеніемъ ея территоріи въ предѣлы Россійской Имперіи, не предрѣшая, разумѣется, юридическихъ формъ этой зависимости" [1]).

Другой видный идеологъ еще болѣе „почвенныхъ" слоевъ буржуазіи, г. Петръ Струве заявилъ:

— „Эта война *по своему основному смыслу, есть война за австрійское и турецкое наслѣдство*, т.-е. за наслѣдство странъ, находящихся въ союзѣ съ Германіей [2])".

И тотъ-же г. П. Струве въ своемъ журналѣ пояснилъ, что его агитація есть *„идейное обоснованіе русскаго національнаго имперіализма"*, способствующее тому, чтобы среди великороссовъ укрѣпить „способность и волю къ расширенію" [3]).

VI. Австрія и Германія.

(Начало войны).

Мы написали: Австрія и Германія. Лучше было-бы сказать: Германія и Австрія. Ибо несомнѣнно, что первенствующая роль въ этомъ союзѣ всегда принадлежала Германіи, и изъ той доли вины за нынѣшнюю войну, которая лежитъ на Австріи и Германіи, львиная часть приходится на Германію. Однако, нельзя недооцѣнивать и роль Австріи. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ передъ 1914 годомъ бывали моменты, когда военная партія Австріи неистовствовала гораздо больше, чѣмъ военная партія Германіи, когда она рвалась въ бой со всѣмъ пыломъ и хотѣла провоцировать войну немедленно. Такъ было, напр., въ 1912 году. *„Въ Вѣнѣ* въ настоящій моментъ находится центръ тяжести

[1]) „Чего ждетъ Россія отъ войны", ст. П. Н. Милюкова: „Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи", стр. 50, 56, 57, 58, 60.

[2]) „Биржевыя Вѣдомости" отъ 3 мая 1915 г. Статья „Узоры и рябь".

[3]) „Русская Мысль", 1914 XII, стр. 176, 177.

интернаціональнаго движенія противъ войны. Если удастся побѣдить военную опасность въ Вѣнѣ, этимъ для даннаго момента будетъ устранена опасность міровой войны вообще. Конечно,—только для даннаго момента"—такъ писалъ послѣ Базельскаго конгресса соціалистовъ Каутскій [1]). „Весь чудовищный аппаратъ католической церкви Австріи находится на службѣ военной партіи"—писалъ тотъ-же авторъ, большой знатокъ австрійскихъ отношеній... Въ 1912 году во время балканскаго кризиса дѣло доходило до того, что органы австрійской военной камарильи передавали въ фальсифицированномъ видѣ успокоительныя офиціозныя заявленія руководящихъ круговъ Германіи, дѣлавшіяся въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung".

Германскіе имперіалисты, лихорадочно готовясь къ нынѣшней войнѣ (такъ же, какъ и ихъ противники), въ 1912 году еще не чувствовали себя готовыми. Въ особенности — на морѣ. Отсюда ихъ большее хладнокровіе. А болѣе легковѣсная и легкомысленная австрійская шайка уже давно считала себя „вполнѣ готовой". Положеніе этой шайки становилось все болѣе труднымъ. Хозяйничанье австрійской солдатчины и католической поповщины было настолько безобразнымъ, что въ Босніи и Герцеговинѣ настроеніе все больше росло противъ Австріи, что даже лойяльная Кроація, которая въ 1848 году спасла Габсбургскую династію, теперь стала гнѣздомъ заговорщиковъ. Въ Сербіи возмущеніе противъ католической поповщины росло. Какъ въ Ирландіи протестантизмъ угнетателей только закоренялъ ирландцевъ въ ихъ приверженности къ католичеству, такъ и въ Сербіи, и въ Босніи католическая пропаганда приводила только къ обратнымъ результатамъ. Клерикально-имперіалистская клика Австро-Венгріи приходила въ ярость, городила глупость на глупости, запутывалась въ собственныхъ интригахъ (достаточно напомнить разоблаченный профессоромъ Массарикомъ

---

[1]) K. Kautsky „Der Baseler Kongress und die Kriegshetze in Oesterreich". "Neue Zeit", 1912 346.—Напомнимъ, кстати, что Австрія была единственной изъ „европейскихъ" странъ, гдѣ напечатаніе базельскаго манифеста было запрещено.

фактъ, что фальсифицированные документы, долженствовавшіе въ 1909 году поднять шумъ объ измѣнѣ Сербіи, были поддѣланы при участіи австрійскаго посла въ Бѣлградѣ, графа Форгаха). *Теперь или никогда*—такъ представляла себѣ дѣло названная клика.

Въ 1914 году напряженіе съ обѣихъ сторонъ достигло высшаго предѣла. Въ воздухѣ запахло порохомъ. Близился моментъ, когда ружья сами начинаютъ стрѣлять. И тутъ-то пришелъ желанный поводъ: убійство эрцгерцога австрійскаго Франца-Фердинанда.

Когда прошелъ первый моментъ смятенія, австрійскихъ и германскихъ имперіалистовъ прямо обуяла радость. Вздохъ облегченія вырвался изъ ихъ груди. Органъ клики самого убитаго эрцгерцога „Gross Oesterreich" писалъ послѣ убійства:

„Его смерть, будемъ надѣяться, станетъ той искупительной жертвой, которая была необходима (такъ буквально и сказано!), чтобы продемонстрировать имперіалистское настроеніе всей Австріи".

Германскій имперіалистъ Рорбахъ, ни мало не смущаясь, заявляетъ:

— „Мы должны считать за счастье, что, благодаря убійству эрцгерцога Франца-Фердинанда, великій анти-германскій заговоръ нашелъ себѣ исходъ раньше предположеннаго срока. Два года спустя война была-бы для насъ гораздо тяжелѣе, жертвъ было-бы больше, быть можетъ, самый исходъ сталъ-бъ сомнителенъ" [1]).

А другой германскій имперіалистъ—тотъ просто гордится тѣмъ, что своей умѣлой политикой германская дипломатія „вложила оружіе въ руки убійцамъ эрцгерцога". Вы не вѣрите? Читайте:

Въ извѣстномъ консервативномъ журналѣ „Preussische Jahrbücher",—въ которомъ пишутъ вліятельнѣйшіе германскіе консерваторы, дипломаты и бывшіе министры — въ ноябрѣ 1914 года помѣщена статья объ убійствѣ въ Сараево эрцгерцога австрійскаго съ его супругой. Авторъ статьи—

[1]) P. Rohrbach „Der Krieg und die deutsche Politik". Книга написана до войны, но вышла въ свѣтъ вскорѣ послѣ начала ея. Авторъ успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія.

высокопоставленное лицо—Freiherr und geheimer Legationsrat фонъ-Германъ Рейтти. Онъ приходитъ къ выводу, что это убійство было подготовлено и организовано однимъ враждебнымъ Германіи правительствомъ, подъ руководствомъ посланника этого правительства и его ближайшихъ помощниковъ.

И что-же вы думаете? Негодуетъ этотъ почтенный фрейгеръ и тайный совѣтникъ по поводу этого убійства? Находитъ въ себѣ слова моральнаго возмущенія? Ничуть не бывало!

Враждебная намъ дипломатія—говоритъ онъ—увѣрена, что она насъ (нѣмецкую дипломатію) перехитрила. Ничего подобнаго! Мы сами заинтересованы были въ ускореніи войны. Наша дипломатія въ Лондонѣ въ послѣднее время передъ войной преднамѣренно дѣлала видъ, что она склонна къ нѣмецко-англійскому примиренію, дабы перспектива этого примиренія заставила враждебную дипломатію прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. И намъ это вполнѣ удалось—торжествуетъ г. фрейгерръ. Враждебные дипломаты прибѣгли-таки къ этакой мѣрѣ: они убили эрцгерцога австрійскаго Франца-Фердинанда. *Значитъ*, въ этомъ убійствѣ есть и доля заслуги нѣмецкихъ дипломатовъ въ Лондонѣ. „Мы не должны забывать, что наша лондонская политика примиренія (съ англичанами) сыграла непослѣднюю роль, что *это она вложила въ руки убійцъ то оружіе, которое теперь обратилось противъ нихъ самихъ*"—буквально такъ пишетъ упомянутый защитникъ нѣмецкой дипломатіи [1]).

Нѣкоторые германскіе писатели любятъ представлять дѣло такъ, что, поддержавъ въ 1914 году Австрію противъ Сербіи, Германія дѣйствовала безкорыстно —въ интересахъ „культуры". „Надо привыкнуть къ мысли, что Австро-Венгрія, которая въ послѣднія десятилѣтія вела такую скромную иностранную политику, нынѣ является передовымъ борцомъ за общеевропейскіе интересы [2]) — пишетъ, напр., д-ръ Редлихъ. Но само германское правительство

---

[1]) Preussische Jahrbücher (издается подъ редакціей Дельбрюка и др.), 1914, 358.

[2]) A. Redlich „Der gegensatz zwischen O.-Ung. u. Russland", стр. 10.

болѣе откровенно. Въ официальной „бѣлой“ книгѣ германскаго правительства, выпущенной послѣ объявленія войны, содержится, какъ и въ книгахъ другихъ цвѣтовъ, много неправды. Но по вопросу о взаимоотношеніяхъ между Германіей и Австріей германское правительство нечаянно оказалось довольно близко къ истинѣ. Это мѣсто является центральнымъ пунктомъ въ бѣлой книгѣ.

Подробно остановившись на цѣляхъ великосербской пропаганды и охарактеризовавши со своей точки зрѣнія балканскую политику Россіи, бѣлая книга продолжаетъ:

„Австро-венгерское правительство сообщило намъ свой взглядъ и спросило о нашемъ мнѣніи. Отъ чистаго сердца мы могли отвѣтить нашему союзнику, что мы вполнѣ согласны съ его взглядомъ, и мы заявили ему, что мы одобримъ всѣ тѣ его дѣйствія, къ которымъ онъ найдетъ нужнымъ прибѣгнуть, дабы положить конецъ сербскому движенію, направленному противъ существованія габсбургской монархіи. Разумѣется, мы вполнѣ сознавали при этомъ, что военное выступленіе Австро-Венгріи противъ Сербіи можетъ вызвать на сцену Россію и, такимъ образомъ, привести и насъ къ участію въ войнѣ—какъ того требуетъ нашъ союзный долгъ.

„Мы не могли, однако, въ виду жизненныхъ для Австріи интересовъ . . . совѣтовать ей уступить. . . Если-бы мы позволили сербамъ съ помощью Россіи и Франціи еще дольше угрожать существованію сосѣдней монархіи, это привело-бы къ постепенному крушенію Австріи и къ подчиненію всего славянства подъ скипетръ Россіи. А это, въ свою очередь, сдѣлало-бы невозможной позицію *германской расы въ средней Европѣ. Австрія, морально ослабленная, идущая къ гибели подъ натискомъ русскаго панславизма, такая Австрія не была-бы для насъ больше союзникомъ, на котораго мы могли-бы расчитывать, какъ это было необходимо намъ въ виду все болѣе угрожающаго поведенія нашихъ сосѣдей на востокѣ и западѣ.* Поэтому мы предоставили Австріи полную свободу дѣйствій въ ея борьбѣ съ Сербіей“.

„Мы“ неизбѣжно должны воевать съ Россіей и Франціей. Для этого „намъ“ нужна возможно болѣе сильная Австрія.

Въ 1914 году настать благопріятный моментъ. Поэтому „мы" отпустили вожжи австрійской военной партіи и сказали ей: теперь дерзайте! Таковъ смыслъ заявленія германскаго правительства.

Рѣшеніе вопроса, конечно, принадлежало Германіи. Германскіе имперіалисты въ теченіе ряда лѣтъ готовились къ неизбѣжной войнѣ съ ихъ главнымъ соперникомъ, Англіей— въ первую очередь изъ-за Турціи. Годами жаловались они на то, что англійскіе имперіалисты стараются изолировать Германію, окружить ее со всѣхъ сторонъ врагами (насколько основательны были эти жалобы, объ этомъ мы здѣсь говорить *не можемъ*). Даже князь Бюловъ въ его книгѣ „Германская политика", сплошь написанной въ изящно-дипломатическихъ вѣжливо прикровенныхъ оборотахъ, не можетъ удержаться отъ упрека: дошло—говоритъ онъ—до того, что даже Австрію англичане стремились мобилизовать противъ Германіи. „Попытки такого рода по отношенію къ Австріи имѣли мѣсто во время свиданія монарховъ въ Ишлѣ и потерпѣли неудачу благодаря той незыблемой вѣрности союзному долгу, которая отличаетъ высокопочитаемаго императора Франца Іосифа" [1]).

Мы приводили достаточно краснорѣчивыя заявленія вождя германскихъ имперіалистовъ, Рорбаха, сдѣланныя уже *во время войны.*

Въ книгѣ того-же вліятельнаго автора, увидѣвшей свѣтъ *еще за цѣлыхъ два года до войны*, находимъ еще болѣе цѣнныя заявленія.

„Намъ" нужны колоніи—во что-бы то ни стало. „Въ Африкѣ германскія владѣнія способны (!) къ большому расширенію, и поэтому это расширеніе должно наступить и наступитъ въ свое время—быть можетъ, *въ очень близкое время*"—пишетъ авторъ, подчеркивая это мѣсто курсивомъ. „Мы никого не хотимъ несправедливо ограбить. (Рорбахъ, повидимому, полагаетъ, что бываетъ и „справедливый" грабежъ *Г. З*). Но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ совершенно

---

[1]) Prince de Bülow „La politique Allemand" (перев. съ нѣм.), Paris. 1914, стр. 71.

ясно, и не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать это, что окончательное перераспредѣленіе владѣній между африканскими колоніальными державами еще предстоитъ, и что задачей Германіи будетъ создать гораздо большую африканскую Германію".

Война необходима и неизбѣжна. Но—„пока рельсы Багдадской дороги не достигли еще Алеппо . . . и пока сѣверо-восточный каналъ, Гельголандъ и еще другіе важные пункты въ системѣ укрѣпленія береговъ Сѣвернаго моря еще окончательно не усовершенствованы,—мы не можемъ относиться къ предстоящему нападенію англійскаго флота съ тѣмъ чувствомъ относительнаго спокойствія, съ которымъ мы будемъ относиться къ нему, когда всѣ эти работы будутъ кончены" [1]).

Въ „Alldeutche Blätter", еженедѣльномъ органѣ вліятельнаго истинно-нѣмецкаго союза—„Alldeutsche—Verband für gross. Deutche"—съ первой половины 1914 года начинають особенно усиленно разжигать войну.

„Великая германская цѣль *недостижима безъ войны*" читаемъ мы въ № отъ 10 января 1914 года въ статьѣ „Являемся-ли мы шовинистами"?

„Мы считали и считаемъ, что Германія и Австро-Венгрія.. *не могутъ избѣжать военнаго столкновенія* со своими восточными и западными сосѣдями"—читаемъ мы въ № отъ 14-го марта 1914 года (въ томъ-же духѣ приблизительно въ то-же время расточалъ угрозы по адресу другой стороны и нашъ профессоръ фонъ-Митрофановъ [2]).

Въ № отъ 4 апрѣля 1914 года названный органъ пангерманистовъ выступаетъ противъ попытки увѣрить германскій народъ въ возможности соглашенія Германіи съ Англіей. Нѣтъ, война неизбѣжна. Она приближалась „изъ года въ годъ, а теперь приближается, можно сказать, *изъ мѣсяца въ мѣсяцъ*".

Въ серединѣ апрѣля 1914 года происходитъ засѣданіе центральнаго комитета названнаго союза. На немъ адмиралъ Бреузингъ и генералъ-майоръ Кеймъ дѣлаютъ боевые доклады, провозглашая, что „рѣшительный часъ приближается".

---

[1]) P. Rohrbach „Der deutsche Gedanke in der Welt", 1912, стр. 134—215.

[2]) См. его нашумѣвшую въ Германіи статью въ журналѣ „Preussische Jahrbücher", іюнь, 1914.

Въ номерѣ *отъ 25 апрѣля* мюнхенскій профессоръ, графъ Экартъ, пишетъ объ этомъ засѣданіи, заявляя: „роковой день близокъ... лучше пасть на полѣ ожесточенной битвы, чѣмъ изнемогать въ разъѣдающей нерѣшительности".

Германскіе имперіалисты были настолько циничны въ своей откровенности, что одинъ изъ нихъ—Рюдорферъ—онъ-же Ритцнеръ, активный германскій дипломатъ—писалъ *въ началѣ* 1914 г.:

— „Принимая въ расчетъ соціалистическія теоріи мира, правительства, быть можетъ, должны будутъ при ихъ предпріятіяхъ (при имперіалистской войнѣ) **старательно прикрыться національнымъ чувствомъ.** Но это по существу дѣла ничего не измѣнитъ—кое-что измѣнится только въ области формы и техники, которыми приходится пользоваться въ современной политикѣ" [1]).

Ведя имперіалистскую войну, надо старательно прикрываться для обмана народа національнымъ чувствомъ! Въ этомъ заключается альфа и омега всей имперіалистской политики. Это—универсальное средство всѣхъ имперіалистовъ... Въ австрійской, напр., арміи сербы идутъ убивать сербовъ, поляки—поляковъ и т. д. И все это, конечно, во имя „національной" идеи!..

Въ такомъ-же духѣ, какъ выступленія Рорбаха, печатаетъ рядъ статей журналъ австрійскихъ имперіалистовъ „Oesterreichische Rundschau". (Редакторы—Хлумецкій, Оппенгеймеръ и др.).

Не будемъ здѣсь цитировать заявленій дѣятелей Англіи—Артура Ли, лорда Робертса, Черчиля, лорда Мильнера, Асквита, Мюррэя, Чемберлэна и другихъ. О другой коалиціи мы не можемъ здѣсь говорить. Мы показали, какъ подводили Европу къ невиданной въ исторіи войнѣ имперіалисты *одной* коалиціи—Германіи и Австріи.

---

[1]) Ruedorffer „Grundzüge der Weltpolitik", 1914, стр. 178.

VII. „Средняя Европа".

О созданіи союза всѣхъ среднеевропейскихъ государствъ подъ гегемоніей Германіи поговаривали въ имперіалистскихъ кругахъ и до войны. Но послѣ начала войны и, въ особенности, послѣ первыхъ крупныхъ германскихъ успѣховъ на поляхъ сраженій — „Средняя Европа" стала своего рода навязчивой идеей въ Германіи и въ Австріи.

„Средняя Европа"—эта тема не сходитъ теперь со столбцовъ германскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ газетъ. Ей посвящаются десятки изслѣдованій. Крупнѣйшіе союзы промышленниковъ и аграріевъ выносятъ резолюціи и пекутъ докладныя записки, а книжный рынокъ заполняется книгами и брошюрами, посвященными все той-же темѣ.

Цѣлая литература создалась уже по этому вопросу въ Австріи и Германіи. Передъ нами лежитъ цѣлая груда книгъ и брошюръ, посвященныхъ спеціально этой темѣ и вышедшихъ въ Австріи и Германіи [1]). Кромѣ перечисляемыхъ въ примѣчаніи книгъ, съ которыми мы въ общихъ чертахъ познакомимъ читателя, въ Германіи — о, нѣмецкая основательность!—начали уже появляться многотомныя изслѣдованія — энциклопедіи, посвященныя этому вопросу. Одну такую работу выпускаетъ извѣстный профессоръ Геркнеръ. Для вящшаго процвѣтанія „гражданскаго мира" въ эту энциклопедію приглашены два „представителя рабочихъ"—Виннигъ и Виссель, видные дѣятели с.-д. профес-

---

[1]) F. Naumann „Mitteleuropa", Berl. 1915; F. v. Lisst „Ein mitteleuropäischer Staatenverband", Leipzig, hei Hirzel; H. ·I, Losch „Der miteleuropäische Wirtschaftsblock und das Schicksal Belgiens"; E. v. Philippovich „Ein Wirtschafts—und Zollverband zwischen Deutschland und Oesterreich-Ungarn"; Ed. Pályi (Budapest); „Das mitteleuropäische Weltreichbündniss", 1916; Iulius Heller (Wien) „Deutschland und Oesterreich—Ungarn, Gesichtspunkte eines Industriellen", 1916; E. Pályi „Deutschland und Ungarn"; J. Jastrow „Mitteleuropäische Zollannäherund; Munin „Oesterreich nach dem Kriege, Forderungen eines aktiven östereichischen Politikes", Ierna 1915; Professor Wolf „Ein deutsch-oesterreichisch-ungarischer Zolverband", Leipzig 1915; Professor D-r W. Gerloff „Der wirtschattliche Imperialismus und die Frage der Zolleinigung zwischen Deutschland und Osterreich— Ungarn", Der Deutsche Krieg, 1915, Stuttg—Berlin и др.

сіональнаго движенія, доказывающіе теперь вмѣстѣ съ имперіалистами, что созданіе „Средней Европы“ чрезвычайно необходимо и съ точки зрѣнія рабочаго класса.

Что-же такое должна представлять собой эта „Средняя Европа“ по мысли ея проповѣдниковъ?

Германская имперія сама по себѣ еще не является „міровымъ государствомъ“. Австрія—тѣмъ менѣе. Міровую политику вершатъ теперь громадные имперіалистскіе тресты. Чтобы обезпечить себѣ „справедливую“ долю вліянія, надо самимъ создать такой трестъ покрупнѣе. Одна Великобританія съ Египтомъ, но безъ ряда зависимыхъ отъ нея государствъ, насчитываетъ 32,4 милліона квадратныхъ километровъ территоріи, Россія — 23,7 милліона, Францція — 11,4 милліона, Китай—11,1, Соединенныя Штаты Америки—9,9, Бразилія—9 милліоновъ кв. километровъ и т. д. А Австрія, Венгрія и Германія, вмѣстѣ взятыя, изъ 132 милліоновъ квадратныхъ километровъ всей земной поверхности владѣютъ всего 1,2 мил. кв. килом., т. е. только $^{1}/_{100}$ земли. Могутъ-ли австрійскіе и германскіе имперіалисты примириться съ такой „вопіющей несправедливостью“?...

Какъ-же поправить бѣду? Во первыхъ нужно огнемъ и мечемъ добиваться болѣе справедливаго передѣла міра, нужно завоевать себѣ рядъ колоній въ Африкѣ и Азіи. Но кромѣ того и въ самой Европѣ надо покрыть одной большой австро-германской шапкой все то, что удастся покрыть. Надо крѣпко соединиться Германіи съ Австро-Венгріей—гораздо тѣснѣе, чѣмъ до войны: создать общую таможенную систему, быть можетъ—общую монету, общій постоянно дѣйствующій военный совѣтъ, упрочить „траншейное братство“ и т. д. А подъ ферулу этого двойственнаго союза загнать по возможности больше европейскихъ государствъ: Голландію, Швецію, Норвегію, Данію, Швейцарію, Италію, весь Балканскій полуостровъ со включеніемъ Европейской Турціи (а черезъ Турцію—къ Суэцкому каналу, черезъ Египетъ установить связь съ міромъ Ислама), быть можетъ, даже Францію, если хорошенько побѣдить. „Противъ Англіи, *безъ* Россіи, если можно, то *съ* Франціей“—такую формулу даетъ Францъ-фонъ-Листъ [1]).

[1]) „Ein Mitteleur. Staatenverband“, стр. 25.

Какъ въ промышленности громадныя преимущества—на сторонѣ крупнаго производства, такъ и въ политикѣ всѣ преимущества—на сторонѣ крупнаго государственнаго союза. Противъ Англіи и противъ Россіи „мы" не можемъ бороться иначе, какъ создавъ такой союзъ. Тѣсный блокъ между Германіей и Австро-Венгріей есть лишь первый шагъ, а за нимъ послѣдуетъ настоящая „средняя Европа". Ф. фонъ-Листъ расчитываетъ въ этотъ среднеевропейскій рай загнать при помощи имперіалистской дубины столько народовъ, что создастся союзъ, обнимающій 8 милліоновъ квадр. килом. и 200 милліоновъ людей. Науманнъ еще щедрѣе. Онъ надѣется, что можно будетъ „собрать" цѣлыхъ 13 милліоновъ кв. километровъ.

Въ нашъ вѣкъ приходится мыслить въ цѣлыхъ континентахъ—сказалъ англійскій имперіалистъ Сесиль Родсъ. Австро-германскіе имперіалисты съ этимъ вполнѣ согласны: „намъ" нужны сотни милліоновъ людей. Средней Европѣ нужны „дѣти, дѣти, дѣти!"—восклицаетъ Науманнъ [1]). Если-бы онъ былъ еще откровеннѣе, онъ воскликнулъ-бы: солдаты, солдаты, солдаты...

„Кто не растетъ, тотъ теряетъ. Какъ нѣкогда Пруссія должна была создать таможенный союзъ, чтобы не остаться небольшимъ изолированнымъ государствомъ, такъ теперь мы должны объединить среднеевропейскіе народы въ одинъ промышленно-міровой народъ"—говоритъ Науманнъ [2]). Германія будетъ въ среднеевропейскомъ государственномъ союзѣ только „первой между равными" (Листъ), только „центральнымъ пунктомъ", вокругъ котораго сгруппируются всѣ остальные „среднеевропейцы" (Науманнъ).

Въ дѣйствительности дѣло идетъ о другомъ: только Австрію германскіе имперіалисты согласны еще трактовать, какъ болѣе или менѣе равную сторону, да и то больше на словахъ. Мы счастливо дополняемъ другъ друга—убѣждаетъ ихъ Науманнъ: „мы (германцы) имѣемъ больше лошадиныхъ силъ, вы (австрійцы)—больше мелодіи" (т. е. живости, вкуса).

---

[1]) „Mitteleuropa", 186.

[2]) Ibid. 177.

Но тутъ-же съ достаточной откровенностью онъ поясняетъ: вы нужны намъ больше всего для проведенія нашихъ (Германіи) плановъ противъ Турціи—„всѣ германскіе планы относительно Турціи разсѣиваются, какъ дымъ—если мы не имѣемъ Тріеста и Фіуме“ (Науманнъ, 181). Закабалить Турцію, низведя ее окончательно до роли германской колоніи, „мы“ можемъ только съ помощью Австріи. Ибо съ Россіей и Англіей наши интересы тутъ враждебно сталкиваются. „Для средне-европейской группы человѣчества на картѣ стоитъ вопросъ объ ея міровой позиціи. Если мы побѣдимъ только наполовину, намъ придется позднѣе воевать еще разъ. Если мы побѣдимъ рѣшающимъ образомъ, мы облегчимъ работу нашимъ дѣтямъ и внукамъ“. (165).

Заключить тѣсный союзъ съ Англіей или Россіей? Этотъ планъ не улыбается Науманну. Для этого и Англія и Россія слишкомъ сильны. Германскіе имперіалисты не хотятъ равныхъ имъ по силѣ партнеровъ, имъ нуженъ „болѣе молодой (болѣе слабый!) партнеръ“. „Равный между равными“—это только фраза. Ихъ манитъ другая цѣль: „на основаніи нашей силы и нашего опыта, мы ставимъ себѣ большую цѣль: мы сами хотимъ стать центромъ“ (Науманнъ). Ясно, что говорить о „равенствѣ“ между Германіей и... Турціей, это то-же самое, что говорить о „равенствѣ“ между разбойникомъ и его жертвой.

Каутскій, представитель германскаго с.-д. „центра“ („болота“), одинъ изъ немногихъ противниковъ „среднеевропейской“ политики среди вождей офиціальной германской соціалъ-демократіи, пишетъ, перефразируя извѣстныя слова Клаузевитца, что „Средняя Европа ставитъ себѣ задачей продолженіе войны во время мира только другими средствами“ [1]). Это въ самомъ дѣлѣ такъ. Но сейчасъ центръ вопроса заключается въ томъ, что въ ходѣ имперіалистской войны подготовляется *имперіалистскій* миръ. Подъ грохотъ пушекъ уже сейчасъ заключаются новые тайные договоры, обсуждаютс[я] планы „великихъ“ экономическихъ союзовъ, въ тѣсномъ кругу всевозможныхъ конференцій обдѣлываются

---

[1]) K. Kautsky „Die Vereinigten Staaten Mitteleuropas“, 1916, стр. 15.

дѣла имперіалистовъ. Планъ „средней Европы"—только *одно* изъ проявленій этой работы имперіалистскихъ awkward кликъ различныхъ лагерей...

Съ особеннымъ энтузіазмомъ къ плану созданія „средней Европы" относятся въ Германіи. Агитація въ пользу этой „великой" идеи достигла тамъ грандіозныхъ размѣровъ [1]). Только отдѣльныя группы промышленниковъ, охраняя свои сверхприбыли, относятся скептически къ этому плану. Такъ, германскіе текстильные фабриканты побаиваются, что австрійская конкуренція, благодаря болѣе дешевой рабочей силѣ и т. д. — можетъ при уничтоженіи таможенной границы стать для нихъ опасной [2]). Но это только—исключеніе. Какъ правило, германская промышленность, конечно, гораздо сильнѣе австрійской, и конкуренціи можетъ не бояться. За нѣкоторыя свои привилегіи опасаются еще нѣмецкіе аграріи.

Въ Австріи и Венгріи энтузіазмъ не является настолько всеобщимъ. Представители австрійской желѣзодѣлательной промышленности, напр., очень заинтересованы въ сохраненіи нынѣшняго положенія вещей, когда цѣны на желѣзо и сталь въ Австріи стоятъ на 100 и больше процентовъ выше, нежели въ Германіи. То-же относится и къ вліятельнымъ группамъ венгерскихъ аграріевъ. Въ Венгріи сильно побаиваются германскаго засилья. Мы согласны на созданіе союза, но пусть Германія насъ „не майоризируетъ", пусть она будетъ только равной стороной. „Если Германія хочетъ аннексировать, завоевывать, порабощать, использовать, тогда она напрасно будетъ пытаться создавать эту вавилонскую башню"— пишетъ венгерецъ, редакторъ вліятельной газеты „Budapesti Napoli" [3]). Но—онъ „надѣется", что этого не будетъ, и онъ согласенъ поддержать среднеевропейскій союзъ.

---

[1]) Книга Науманна, съ внѣшней стороны написанная очень недурно, рекламировалась въ американскомъ стилѣ. Во всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ городахъ тѣхъ государствъ, которыя подлежатъ „организаціи" въ ср.-евр. союзъ, объ этой книгѣ на всѣхъ перекресткахъ расклеивались громадныя афиши и т. д.

[2]) Julius Heller, стр. 19.

[3]) D-r Eduard Pályi „Das Mitteleur. Weltreichbündniss", стр. 23.

На самомъ дѣлѣ германскіе имперіалисты, конечно, *будутъ* „аннексировать, завоевывать, порабощать, использовать“. Но — и австро-венгерскіе имперіалисты знаютъ, что въ нашъ вѣкъ имперіализма необходимо мыслить въ континентахъ. Они сознаютъ, что въ среднеевропейскомъ союзѣ они могутъ расчитывать только на вторую роль. Но и отъ этого они все-таки ждутъ немалыхъ выгодъ для себя. Болѣе дальновидные австрійскіе имперіалисты прямо говорятъ о предстоящей впослѣдствіи войнѣ съ Америкой, которая все больше становится главнымъ конкурентомъ на міровомъ рынкѣ. „Деньги рѣшаютъ нынѣ и вопросы войны и мира“— пишетъ вліятельный австрійскій промышленникъ, членъ совѣщанія при австрійскомъ министерствѣ торговли и промышленности (Julius Heller). Противъ американскаго имперіализма въ сущности должна-де была-бы соединиться „вся Европа“, независимо отъ „домашнихъ“ споровъ между европейцами. Но, если это не осуществимо, надо объединить по крайней мѣрѣ, всю „среднюю Европу“ [1]). Вотъ почему такое, напр., вліятельное общество, какъ „австро-нѣмецкій промышленный союзъ“ въ недавно опубликованныхъ „тезисахъ“, имѣвшихъ большой успѣхъ, безъ колебанія становится на сторону „средней Европы“.

Съ точки зрѣнія интересовъ австрійскаго и германскаго *имперіализма* это вполнѣ логично и послѣдовательно. Ему *нужно* загнать подъ ярмо возможно большее количество болѣе слабыхъ странъ. Имперіалисты постараются, быть можетъ, позолотить тѣ цѣпи, которыми они скуютъ своихъ „партнеровъ“. Имъ ничего не стоитъ на словахъ признать ихъ вполнѣ равной стороной. Они примирятся съ тѣмъ, что въ рядѣ случаевъ аннексія будетъ прикрытой, порабощеніе будетъ внѣшнимъ образомъ облечено въ благовидную форму. Имъ важна *суть дѣла*.

Столь же логично и послѣдовательно со стороны австрогерманскихъ имперіалистовъ, что они воспѣваютъ „среднюю Европу“ въ стихахъ и прозѣ, стараются представить этотъ

[1]) Julius Heller, Deutschland und Oesterreich—Ungarn, 1916, стр. 76, 77 и др.

имперіалистскій планъ, какъ благодѣяніе для человѣчества и для культуры, какъ мѣропріятіе, абсолютно необходимое для защиты австрійскаго и германскаго „отечествъ". Но— логично-ли это съ точки зрѣнія другого класса: австрійскаго и германскаго пролетаріата?

А между тѣмъ официальные „представители" австрійскаго и германскаго пролетаріата поддерживаютъ имперіалистскій планъ созданія среднеевропейскаго союза съ усердіемъ, по истинѣ достойнымъ лучшаго дѣла.

Лозунгъ „средняя Европа"—такой-же обманъ рабочихъ, какъ лозунгъ „защита отечества" въ нынѣшней войнѣ. Но именно потому, что австрійскіе и германскіе соціалъ-шовинисты приняли „защиту отечества", они принимаютъ теперь и „среднюю Европу". Кто сказалъ А, тотъ долженъ сказать и Б. Кто поддерживаетъ эту войну, тотъ долженъ поддерживать и тѣ цѣли, которыя ставятъ ей ея вдохновители...

Главнымъ сочиненіемъ австрійскихъ соціалъ-шовинистовъ по вопросу о „средней Европѣ" является книга К. Реннера (Шпрингера) „Обновленіе Австріи". Реннеръ въ этомъ вопросѣ является идейнымъ вождемъ не только официальной австрійской, но и германской соціалъ-демократіи.

На обложкѣ названной книги Реннера, изданной вѣнскимъ с.-д. партійнымъ книгоиздательствомъ, значится: эта книга является дополненіемъ къ книгѣ Науманна „Средняя Европа". И это въ самомъ дѣлѣ такъ. Всѣ доводы германо-австрійскихъ имперіалистовъ развиваетъ и Реннеръ—только поддѣлываясь подъ рабочихъ, создавая фальсификатъ „марксизма".

— Чего хотите вы—говоритъ г. Реннеръ соціалистамъ. Развѣ мы, какъ марксисты, можемъ быть противъ среднеевропейскаго союза? Вѣдь мы всегда стоимъ за болѣе крупные государственные союзы, противъ мелкихъ, мы за государственную концентрацію, мы за лозунгъ: долой границы. Значитъ... значитъ мы должны быть за созданіе имперіалистскаго среднеевропейскаго союза.

Тутъ столько же логики и марксизма, какъ если-бы мы сказали: вѣдь мы стоимъ противъ частной собственности, почему-же намъ не поддержать крупнаго грабителя, „кон-

центрирующаго“ въ своемъ карманѣ награбленное имъ у его жертвъ. Или: мы признаемъ историческую прогрессивность капитализма—такъ почему-же намъ не стать капиталистами?

— Конечно, продолжаетъ Реннеръ, это очень печально, что не создается сразу союзъ *всѣхъ* европейскихъ государствъ. Но что-же дѣлать? Будемъ двигаться понемногу. Сначала союзъ средней Европы, а тамъ онъ превратится и въ „соединенные штаты всей Европы“. Развѣ мы не правы? Помилуйте, вѣдь это все-таки идетъ по линіи нашего пароля „долой границы“.

На глазахъ у всей почтеннѣйшей публики фокусники соціалъ-шовинизма выкидываютъ это веселое колѣнце. Не все-ли, молъ, равно *какимъ путемъ* осуществится лозунгъ „долой границы“. Вѣдь это-же мелочь... Явная или прикрытая имперіалистская аннексія, чистѣйшій имперіалистскій грабежъ—на глазахъ у всего честного народа объявляется соціализмомъ. Поддержка одной шайки имперіалистовъ объявляется „марксизмомъ“...

И замѣтьте. Говоря о союзѣ среднеевропейскихъ государствъ, Реннеру и К° даже и въ голову не приходитъ, по крайней мѣрѣ, потребовать, чтобы это былъ *республиканскій* союзъ среднеевропейскихъ государствъ. Науманнъ заявляетъ, что республиканская форма такого союза кажется ему „неисторичной“. А Реннеръ и К° просто молчатъ объ этомъ, предполагая, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, что монархіи Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ должны остаться неприкосновенными. Подъ видомъ „марксизма“ эти господа фактически защищаютъ попросту новый видъ „Dreikaiserbündniss'a“ (союза трехъ императоровъ), или—союза двухъ императоровъ и одного султана.

Это будетъ въ началѣ „картель, а не государство будущаго“—признаетъ Реннеръ. Но—почему „намъ“ для начала не поддержать и картель? „Очень печально, когда интернаціоналистъ, который хочетъ объединить весь міръ, оказывается не на высотѣ положенія, когда рѣчь идетъ объ объединеніи съ ближайшими сосѣдями“. Онъ прямо становится на ту-же почву, что имперіалисты: почему-де Англія можетъ

организовывать блоки противъ насъ, а „мы“ не можемъ? „Что можно одному, то по справедливости можно и другому“. И вѣдь мы всѣмъ участникамъ союза дадимъ полную свободу: „свобода самоопредѣленія есть... — само собою разумѣющаяся предпосылка“ („самоопредѣленіе“ Турціи въ ея „союзѣ“ съ Германіей, „самоопредѣленіе“ Сербіи въ ея „союзѣ“ съ Австріей!!).—Вы говорите: имперіализмъ! Конечно, имперіализмъ плохъ, но между двумя имперіализмами — своимъ и чужимъ—я выбираю *свой*. „Если имперіализмъ самъ по себѣ зло, если уже противъ своего ((heimische) имперіализма приходится бороться, то попасть подъ колесо чужого имперіализма (Реннеръ забылъ, что можно бороться и противъ своего и противъ чужого имперіализма) есть гораздо большее, прямо невыносимое зло. И поэтому германская с.-дія, въ силу вѣрнаго инстинкта самоутвержденія, безъ всякаго сомнѣнія дѣйствовала 4 августа 1914 абсолютно правильно“. Такъ пишетъ г. Реннеръ [1]), „соціалистическій“ адвокатъ „средней Европы“.

И голосъ его—увы!—не одинокъ. Онъ безусловно выражаетъ мнѣніе всѣхъ австрійскихъ и германскихъ соціалъ-шовинистскихъ вождей. 9 января 1916 года въ Берлинѣ состоялась конференція, созванная правленіемъ германской с.-д. партіи спеціально для обсужденія вопроса о „средней Европѣ“. Присутствовали всѣ 110 с.-д. депутатовъ, большая делегація отъ австрійскихъ официальныхъ с.-д., генеральная комиссія профессіональныхъ союзовъ, представители кооперативовъ, с.-д. правленій и т. д.—весь цвѣтъ соціалъ-шовинизма. Докладчикомъ и вождемъ выступилъ все тотъ-же Реннеръ. Содокладчикомъ — „переучившійся“ марксистъ, Куновъ, нынѣ являющійся чистокровнымъ соціалъ-имперіалистомъ. Реннеръ, согласно официальнымъ протоколамъ конференціи, развивалъ слѣдующія мысли: —„То, что проектируется, есть не соціализмъ, а картель. Картель, конечно, не является идеаломъ соціализма ...но (!), съ другой стороны, это новая организаціонная форма, и ее мы привѣтствуемъ,

[1]) D-r Karl Renner „Oesterreichs Erneuerung“, Wien 1916, стр. 152, 150, 151, 127 и др.

какъ скорлупу, въ которой созрѣваетъ наше ядро ...но (!) это—болѣе высокая организаціонная форма міровой промышленности и тѣмъ самымъ—лучшее обезпеченіе въ настоящемъ и лучшая надежда въ будущемъ также для рабочихъ"... *Какъ* создала Англія свою міровую державу? Посредствомъ завоеваній и порабощеній!... А здѣсь (т. е. въ планѣ созданія „средней Европы") исторія создается другимъ путемъ. Здѣсь промышленная имперія должна быть воздвигнута не посредствомъ меча (у Гинденбурга въ рукахъ, какъ извѣстно, не мечъ, а оливковая вѣтвь!), не посредствомъ подчиненія многихъ черезъ одного, а—посредствомъ договоровъ (!), посредствомъ свободнаго (!!) союза Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи". Я за союзъ равныхъ—говорилъ докладчикъ. „Если-бы (**если-бы!**) германская буржуазія хотѣла *завоевать* Болгарію и Турцію... я бы сказалъ: нѣтъ! Но забываютъ, что здѣсь будетъ *союзъ равныхъ* (!!!)—что даже съ точки зрѣнія демократіи такой нѣмецкій имперіализмъ на Балканахъ является чѣмъ-то совсѣмъ инымъ (о, конечно, совсѣмъ инымъ! „Мой" имперіализмъ совсѣмъ не то, что „твой" имперіализмъ), чѣмъ французскій имперіализмъ въ Марокко"... И послѣ этого г. Реннеръ заключилъ:

— „Интернаціонализмъ для меня болѣе святъ, чѣмъ что-бы то-ни было"[1])... Это и видно изъ всѣхъ заявленій Реннера—неправда-ли, читатель? О, лицемѣры, о циники!..

И съ этимъ адвокатомъ „среднеевропейскаго" имперіализма согласилось подавляющее большинство вышеназваннаго вліятельнаго собранія! Такая моральная побѣда имперіалистовъ надъ „вождями" рабочаго класса стоитъ для нихъ иного выиграннаго сраженія. Зараза пошла далеко. Въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ распространяются „с.-д." брошюры, уже прямо озаглавленные: „австро-германскій промышленный союзъ, *какъ соціаль-демократическая задача*" [2]).

---

[1]) „Die Bestrebungen für eine wirtschaftliche Annäherung Deutschlands und Oesterreich—Ungarns", Protokoll der Verhandlungen etc., Berlin 1916, стр. 16, 22, 62.

[2]) Herman Kranold „Der deutsch-oesterreichische Wirtschaftsbund *als sozialdemokratische* Aufgabe", Verlag „Internat. Korresp",

Еще и еще разъ рабочіе будутъ обмануты. Соціалъ-шовинисты превращаютъ ихъ въ слѣпое орудіе имперіалистскаго картеля подъ вывѣской: „средняя Европа“.

VIII. Соціалъ-демократія въ Австріи.

(До войны).

По адресу австрійской соціалъ-демократіи послѣ 4-го августа 1914 года кѣмъ-то было замѣчено чрезвычайно удачно: *эта* партія меньше всего измѣнила своему прошлому, ибо... ибо она уже и задолго до войны стояла не на интернаціоналистской, а на соціалъ-шовинистской позиціи.

Это въ самомъ дѣлѣ такъ. Оппортунизмъ слился здѣсь съ націонализмомъ еще задолго до войны.

Національный вопросъ заполняетъ собою всю общественную жизнь Австріи. Націонализмъ процвѣтаетъ здѣсь въ такихъ формахъ и размѣрахъ, какъ нигдѣ. И этотъ націонализмъ не пощадилъ и рабочаго класса. Буржуазный націонализмъ въ теченіе десятилѣтій старался—и не безъ успѣха—отравить своимъ ядомъ австрійское рабочее движеніе. Экономическая отсталость Австріи, преобладаніе мелкой буржуазіи, мелкаго мѣщанства, сравнительная слабость крупной промышленности (кромѣ двухъ-трехъ важнѣйшихъ индустріальныхъ центровъ) создавали условія, благопріятствующія процвѣтанію *оппортунизма* въ австрійскомъ рабочемъ движеніи. Національныя тренія, вѣчная національная борьба, проникновеніе націонализма во всѣ поры австрійской жизни додѣлывали остальное. Въ Австріи мы наблюдаемъ съ особенной очевидностью тотъ фактъ, что націонализмъ—родной братъ оппортунизма. Здѣсь до осязательности ясно, что націонализмъ сливается съ оппортунизмомъ, вытекаетъ изъ него, неизбѣжно приводя къ „высшему синтезу“ — къ соціалъ-шовинизму. Путь отъ оппортунизма къ соціалъ-шовинизму въ его основныхъ чертахъ пройденъ былъ въ Австріи *еще до войны*. Въ этомъ отношеніи примѣръ австрійской соціалъ-демократіи особенно поучителенъ.

Поучительна и та роль, которую играла во 2-мъ интернаціоналѣ австрійская с.-д. партія до войны. Она несомнѣнно принадлежала тамъ къ числу руководящихъ, наиболѣе вліятельныхъ партій. Германскіе, французскіе *и австрійскіе* соціалисты *рѣшали* во 2-мъ интернаціоналѣ. Викторъ Адлеръ не только, какъ личность, но и какъ вождь австрійской соціалъ-демократіи, несомнѣнно принадлежалъ къ числу самыхъ вліятельныхъ представителей 2-го Интернаціонала. И этому нисколько не мѣшалъ „соціалъ-патріотическій" характеръ австрійской соціалъ-демократіи.

Австрійскую соціалъ-демократію уже давно называли: kaiserlich-königliche Sozialdemokratie, т. е.—*императорско-королевская* соціалъ-демократія. И здѣсь не было преувеличенія. Не въ томъ дѣло, что австрійская соціалъ-демократія старалась использовать въ интересахъ демократіи своеобразную тяжбу короны съ федералистическими партіями Австріи. Это было ея право и ея долгъ. Когда въ 1905—07 годахъ въ Австріи проводилась избирательная реформа, это дѣлалось, конечно, главнымъ образомъ, подъ давленіемъ австрійскаго народного движенія, на которое оказали громадное вліяніе событія въ Россіи. Но Францъ-Іосифъ, „давая" всеобщее избирательное право, преслѣдовалъ и свои династическіе интересы: оно нужно было ему, какъ цементъ, сковывающій воедино Габсбургскую монархію, какъ средство борьбы противъ центробѣжныхъ тенденцій, ведшихъ Австрію къ распаду. Это своеобразное положеніе австрійская соціалъ-демократія должна была использовать. Но „императорско-королевской" соціалъ-демократіей она становилась благодаря другому: благодаря тому, что она *давала себя* использовать Габсбургской монархіи, благодаря тому, что она всю свою политику *подчиняла интересамъ сохраненія Габсбургской монархіи*, которая исторіей обречена на распадъ.

Мы ни мало не преувеличиваемъ. Да, вся политика офиціальной австрійской соціалъ-демократіи задолго до войны исходила изъ сохраненія Габсбургской монархіи. Это былъ для нея предѣлъ, его-же не прейдеши. Это была путеводная звѣзда всей ея политики.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что осью всей поли-

тической дѣятельности австрійской соціалъ-демократіи въ теченіе $1^1/_2$ десятилѣтій до войны являлась ея *брюннская національная программа.* Эта программа есть кульминаціонный пунктъ ея политической мысли. На съѣздѣ въ Брюннѣ (сентябрь 1899 года) офиціальная австрійская с.-дія выдвинула программу т. н. „національной автономіи“, (въ основныхъ чертахъ тоже, что и „культурно-національная автономія“). „Вмѣсто историческихъ коронныхъ земель устанавливаются національно-ограниченныя самоуправляющіяся единицы, въ которыхъ законодательство и управленіе вѣдаютъ національныя камеры, избираемыя на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права.— Всѣ самоуправляющіяся области одной націи образуютъ единый союзъ, который совершенно автономно вѣдаетъ свои національныя дѣла“. [1]) Каждый гражданинъ—развиваетъ этотъ планъ главный его творецъ К. Реннеръ—долженъ къ опредѣленному сроку занести себя въ „національный кадастръ“ и тѣмъ заявить, что онъ желаетъ принадлежать къ данной націи. Такимъ образомъ „конституируются націи“, какъ „юридическія лица“—независимо отъ того, что члены этой націи разбросаны по разнымъ мѣстамъ Австріи, живутъ вкрапленными меньшинствами на заграничныхъ территоріяхъ. „Національность не находится *ни въ какой* (!) существенной связи съ территоріей, націи—автономные *персональные* союзы (система національной автономіи)“ — поясняетъ К. Реннеръ, вліятельнѣйшій вождь австрійской соціалъ-демократіи и, повторяемъ, главный теоретикъ ея національной программы. [2]) „Эта система (т. е. система „національной автономіи“) дѣлитъ всѣ функціи государства на двѣ области компетенціи, на два разряда: національный и государственный. Національные дѣла и вопросы автономно разрѣшаются и выполняются соотвѣтствующими національными организаціями; государственно-политическими дѣлами вѣдаютъ

---

[1]) Пункты 2 и 3 Брюннской программы.

[2]) См. его главный трудъ: „Рудольфъ Шпрингеръ (К. Реннеръ) „Національная Проблема, борьба національностей въ Австріи“. Цитируемъ по русскому переводу, Петроградъ, 1909. См. стр. 19.

территоріальныя власти. Націи, слѣдовательно, образуютъ, если можно такъ выразиться, *экстерриторіальныя государства въ государствѣ*; Австрія является федераціей націй, а не земель". [1]) Логическимъ выводомъ изъ этого плана является созданіе особыхъ „національныхъ сеймовъ", учрежденіе должности „національныхъ статсъ-секретарей", созданіе „національныхъ бюджетовъ" и т. д. Территорія, мѣсто жительства людей, не играетъ въ этомъ планѣ никакой существенной роли. Живая дѣйствительность перемѣшиваетъ націи. Вся трудность создается именно отъ того, что въ живой жизни люди, принадлежащіе къ разнымъ національностямъ, часто живутъ на одной и той-же территоріи. На каждомъ шагу они сталкиваются, на каждомъ шагу дѣятельность ихъ переплетается. Но эта трудность обходится тѣмъ, что ее просто объявляютъ несуществующей, или не имѣющей существеннаго значенія. Создается надуманный бумажный, безжизненный планъ: рѣшить эту трудность при помощи канцелярскихъ „національныхъ кадастровъ".

Что вести всѣ государственныя дѣла такимъ образомъ невозможно—это сознаютъ и авторы означеннаго проекта. Поэтому они искусственно выдѣляютъ изъ всей суммы государственно-политической дѣятельности только сферу такъ называемой „національной культуры". Всѣ дѣла вообще пусть вѣдаютъ „территоріальныя власти". Школьное-же дѣло, дѣла „національной культуры" пусть вѣдаютъ „экстерриторіальныя" (внѣ-территоріальныя) національныя власти, выбираемыя спеціально ad hoc (для этой цѣли).

Таковъ этотъ планъ. Его справедливо называли утонченнымъ, очищеннымъ націонализмомъ. Его невысказанной основной предпосылкой является насажденіе „національной культуры" буржуазіи. Самъ Реннеръ, наполовину сознавая, что планъ этотъ имѣетъ мало общаго съ соціализмомъ, пишетъ: „Это (брюннское) рѣшеніе рабочіе (т. е. Реннеръ и его единомышленники) приняли въ качествѣ рабочихъ и гражданъ, а не соціалъ-демократовъ (!); оно не имѣетъ ничего общаго съ соціальной эмансипаціей пролетаріата

[1]) Ibid., 18.

(вотъ именно!). Этихъ людей (т. е. австрійскихъ с.-д.), которые меньше всего заботятся обыкновенно о государственныхъ формахъ, „*повседневная нужда* заставила сказать *не то*, что соотвѣтствуетъ ихъ доктринамъ или теоретическимъ взглядамъ, а что инстинкту массъ (какихъ?) кажется (!) единственнымъ выходомъ. Это именно и составляетъ цѣнность (?) этой (брюннской) резолюціи“ [1]).

Не будемъ здѣсь критиковать національную программу австрійской с.-діи съ точки зрѣнія принциповъ соціализма. Оставимъ также въ сторонѣ вопросъ объ осуществимости этой программы въ Австріи. Каутскій даже въ 1916 году— т. е. послѣ того, какъ онъ совершилъ свою извѣстную эволюцію вправо—жестоко высмѣиваетъ этотъ планъ Реннера именно съ точки зрѣнія осуществимости его. Онъ пишетъ: „Т. Реннеръ выработалъ очень остроумный планъ, какъ можно было бы получше установить національныя взаимоотношенія въ Австріи. Этотъ планъ въ своемъ родѣ столь-же геніаленъ, какъ фаланстеры, предложенные Фурье. Но милліонеръ, пришествія котораго ждалъ Фурье и который долженъ былъ дать средства для осуществленія плана, увы, такъ и не пришелъ. И точно такъ-же до сихъ поръ не оказалось и малѣйшаго намека на ту силу, которая хотѣла-бы и могла-бы осуществить планъ Реннера. Посмотримъ послѣ войны, создала-ли она въ этомъ отношеніи какую нибудь перемѣну“ [2]).

Намъ важно отмѣтить здѣсь другое: весь этотъ остроумный планъ мыслился авторами, какъ средство спасти цѣлость Габсбургской монархіи. Исходный пунктъ всѣхъ ихъ „національныхъ“ построеній есть сохраненіе этой цѣлости. Въ *рамкахъ* этой задачи утопія Реннера, быть можетъ, и является очень богатой и очень остроумной государственной утопіей. Но сама эта задача достойна развѣ только „императорско-королевскаго“ соціалъ-демократа.

На книгу Шпрингера (Реннера) безусловно можно смотрѣть, какъ на болѣе или менѣе офиціальный комментарій

---

[1]) Шпрингеръ (Реннеръ), 287.
[2]) K. Kautsky „Die vereinigten Staaten Mitteleuropas“. 1916, стр. 35.

ко всей національной политикѣ австрійской соціалъ-демократіи. Эта книга пользуется большимъ почетомъ среди австрійскихъ с.-д. Реннеръ общепризнанный ея теоретическій вождь. Посмотрите же, *какими аргументами* защищаетъ Реннеръ вышеочерченную программу.

„Доколѣ мы будемъ ждать? Другіе народы выходятъ на сцену, *дѣлятъ между собою землю* (не оговоренный курсивъ— нашъ), а мы не можемъ справиться съ домашними распрями. Возможно, что у другихъ дѣлежъ мира отниметъ все время, и они забудутъ о насъ. Но гораздо вѣроятнѣе, что, въ то время, какъ мы сами пригвождаемъ себя къ кресту, они уже мечутъ жребій по одеждахъ нашихъ. Черезъ десятокъ, другой лѣтъ вселенная будетъ подѣлена; если мы еще промедлимъ съ рѣшеніемъ нашего вопроса, то мы не только *опоздаемъ къ дѣлежу (!!)*—„мы сами попадемъ въ число тѣхъ, которыхъ станутъ дѣлить“ [1]).

Къ чему сводится этотъ аргументъ? Въ переводѣ на простой языкъ онъ означаетъ: господа австрійскіе буржуа и аграріи! Перестанемте драться промежъ себя, устранимте при помощи національной автономіи наши домашнія распри, соединимтесь всѣ, дабы получить нашу долю въ имперіалистскомъ дѣлежѣ мира.

Развѣ это не примѣненіе соціалъ-имперіалистской точки зрѣнія къ своеобразнымъ условіямъ внутренней жизни Австріи съ ея національной грызней, заполнявшей собой до войны всю политическую жизнь Австріи?

Или — слушайте дальше:

— „Кто назоветъ насъ (т. е. Реннера за его національную программу) опаснымъ революціонеромъ, тому мы возразимъ, что онъ самъ не вѣдаетъ, что онъ говоритъ (вотъ именно! *Г. З.*). Государство (австрійское) находится не только наканунѣ переворота, оно уже распадается....Рѣчь теперь идетъ ужъ не о переворотахъ, а о возстановленіи, и мы себѣ поставили задачу—доставлять камни для новаго государственнаго зданія. Многіе, расчитывавшіе на быстрый конецъ, назовутъ насъ, пожалуй,—предчувствуетъ Реннеръ—патрі-

---

[1]) Шпрингеръ, стр. 6.

отомъ черно-желтымъ. Мы имъ откровенно (ужъ чего откровеннѣе! Г. З.) сознаемся, что мы чужды всякой сентиментальности. Но мы не видимъ абсолютно никакой возможности для дунайско-карпатскихъ народностей пріютиться гдѣ-либо внѣ нашего дунайскаго государства. Мы не видимъ также причины, почему бы намъ, нѣмцамъ, покинуть завѣщанный намъ исторіей постъ, который мы должны охранять въ интересахъ всего нѣмецкаго народа въ Европѣ, только потому, что насъ тѣснятъ....Но намъ не удастся, конечно, отстоять нашъ постъ, если мы оскорбленіями и стѣсненіями будемъ продолжать толкать западныхъ и южныхъ славянъ въ объятія Россіи" [1]).

„Она („національная автономія") Австріи не угрожаетъ распадомъ, а, наоборотъ, *предохраняетъ отъ него*...Матеріальныя орудія господства, особенно военная сила...находятся (останутся) въ рукахъ государства...Національная автономія не только не является угрозой, а *является прямо-таки ручательствомъ существованія и внѣшняго могущества Австріи*....Національная автономія означаетъ возвращеніе Австріи къ *могущественному положенію на востокѣ*...Автономія поляковъ и русиновъ въ Галиціи создастъ намъ (!) позицію противъ востока и юга Россіи, которая стоитъ армейскаго корпуса" [2]).

Можно-ли въ самомъ дѣлѣ, быть откровеннѣе? „Намъ" нужно единство внутри, дабы „мы" могли бороться за могущество на внѣшней аренѣ. Въ предстоящей войнѣ „автономія" можетъ замѣнить „намъ" иной армейскій корпусъ...

Чтобы устранить всякія сомнѣнія, Реннеръ продолжаетъ:

— „Борьба изъ-за мирового господства ведетъ къ континентальному экономическому союзу (Wirtchaftsreunion) противъ Англіи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ...На этой фазѣ Австріи предстоитъ важная миссія, если внутри ея наступитъ интернаціональное соглашеніе, миръ и сила. Если только Австрія будетъ носить въ себѣ осуществленіе новаго принципа, эта миссія не уйдетъ отъ нея благодаря ея положенію въ сердцѣ континента" [3]).

---

[1]) Ibid. 119.
[2]) Тамъ-же, 199, 200, 201.
[3]) Тамъ-же, 202.

Мы видимъ: выступая теперь пророкомъ „среднеевропейскаго“ имперіалистскаго союза, вождь австрійской соціалъ-демократіи только продолжаетъ ту традицію, которую онъ насаждалъ задолго до войны...

Сохраненіе Габсбургской монархіи есть для Реннера—conditio sine qua non (первое и необходимое условіе). Вотъ почему онъ, устанавливая въ деталяхъ планъ своей національной программы, считаетъ само собой разумѣющимся, что членъ „національнаго министерства“ въ то-же время будетъ „министръ при *высочайшемъ дворѣ*“, что „національный статсъ-секретарь“ въ такихъ-то дѣлахъ „отвѣтственъ исключительно *передъ короной* и передъ національнымъ совѣтомъ [1]), что при осуществленіи его плана „коронный совѣтъ“ останется неприкосновеннымъ и даже, что было бы правильно, если-бы ихъ (членовъ палаты господъ) *назначалъ пожизненно монархъ*, при чемъ (какой либерализмъ!) назначенію можетъ (!) предшествовать рекомендація большинства провинціальнаго и національнаго представительства“ [2]).

Таковъ „государственный романъ“ (характеристика самого автора) Реннера, который считается золотой книгой [3]) австрійской соціалъ-демократіи.

Въ этомъ „романѣ“ нашлось мѣсто и для палаты господъ, и для короннаго совѣта. Только о соціализмѣ авторъ позабылъ. Точнѣе: онъ не позабылъ о немъ совсѣмъ. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ „романа“ онъ спѣшитъ успокоить австрійскихъ аграріевъ и буржуа. Послѣднимъ нечего-же смущаться тѣмъ, что планъ „національной автономіи“ исходитъ отъ соціалъ-демократовъ, которые иногда проповѣдуютъ еще соціализмъ, революцію и прочія страшныя вещи.

---

[1]) 236, 237.

[2]) Тамъ-же, 261.

[3]) Прибавимъ, что тѣ-же взгляды Реннеръ годами защищаетъ въ центральномъ органѣ партіи—„Рабочей Газетѣ“, а также въ брошюрахъ, распространяемыхъ партіей въ большомъ количествѣ. Изъ послѣднихъ назовемъ: „Der deutsche Arbeiter und der Nationalimus“, Wien 1910; „Was ist die nationale Autonomie“, Wien 1913; „Die Nation als Rechtsidee“, Wien, 1914; „Der nationale Streit um die Aemter und die Sozialdemokratie“, Wien. 1908. Особенно первая изъ нихъ типична для „возвышеннаго“ національнаго Реннера.

Почтеннѣйшіе аграріи и буржуа! Развѣ вы не знаете, что вопросъ соціализма рѣшится, во всякомъ случаѣ, не Австріей, а въ болѣе развитыхъ промышленныхъ странахъ?

— „А соціализмъ, которому будетъ открытъ путь, а революція? Эхъ вы!... Соціализмъ—*общеевропейскій* вопросъ. Побѣдитъ-ли онъ или потерпитъ пораженіе, этого вѣдь вы въ Австріи не рѣшите. Это будетъ дѣлаться безъ васъ въ Германіи, Франціи, Англіи, вы къ этому ничего не добавите и отъ этого ничего не убавите“ [1]).

Въ немногихъ словахъ психологія офиціальной австрійской соціалъ-демократіи обрисована здѣсь самымъ выпуклымъ образомъ. Вопросъ соціализма рѣшится не у насъ—убѣждаетъ Реннеръ владыкъ Австріи. И эта мысль опредѣляетъ все поведеніе самой австрійской офиціальной соц.-демократіи.—Вопросъ соціализма рѣшится *не у насъ*.- Гдѣ ужъ намъ, куда ужъ намъ?... Австрійская офиціальная соціалъ-демократатія уже задолго до войны въ интимныхъ глубинахъ своей политической психологіи чувствуетъ себя не секціей міроваго рабочаго Интернаціонала, борющагося за соціализмъ, а—соціалъ-*національной* партіей австрійскаго государства, каковое государство надо уберечь отъ распада, къ которому неизбѣжно ведетъ его національная грызня между имущими классами. Она вырабатываетъ національную программу, имѣя въ виду не лучшую борьбу *противъ* имперіализма, который означаетъ, между прочимъ, и усиленный національный гнетъ. Она вырабатываетъ эту программу, имѣя въ виду помирить „націи“ внутри собственнаго „отечества“ для вящшаго участія въ имперіалистской политикѣ міровыхъ державъ. „Мы“ не получимъ своей доли при дѣлежѣ міра—т. е. при порабощеніи колоній, при закабаленіи болѣе слабыхъ націй—если мы не помиримся между собой. Таковъ одинъ изъ главныхъ доводовъ вождей австрійской соціалъ-демократіи при защитѣ ихъ національной программы. Мудрено-ли, что эти вожди должны были, когда наступила война, занять ту позицію, которую они заняли??

---

[1]) Тамъ-же, 257.

Ко времени Штутгартскаго международнаго соціалистическаго конгресса оппортунизмъ и націонализмъ и въ Австріи сдѣлали уже такія большія завоеванія, что *вся* австрійская партія высказалась *за* соціалъ-шовинистскую резолюцію ревизіонкстовъ по вопросу объ имперіализмѣ.

Центральный пунктъ проекта ревизіонистовъ гласилъ:

— „Конгрессъ признаетъ, что польза или необходимость колоній вообще и для рабочаго класса въ частности—сильно преувеличивается. Но (щедринское „но“) ...но конгрессъ не отвергаетъ принципіально и на всѣ времена всякую колоніальную политику, которая при соціалистическомъ режимѣ (sic!) можетъ оказывать цивилизующее вліяніе“ (Протоколы Шт. Конгр. нѣм. изд. 24).

Марксисты (меньшинство комиссіи) главную атаку сосредоточили противъ перваго центральнаго пункта ревизіонистовъ, который мы привели выше („Но“... и т. д.). Они требовали исключенія этого пункта и замѣны перваго абзаца слѣдующимъ:

— „Конгрессъ убѣжденъ, что капиталистическая колоніальная политика по самой ея внутренней сущности должна вести къ порабощенію, каторжному труду или истребленію туземнаго населенія колоніальныхъ областей. Цивилизаторская миссія, на которую ссылается капиталистическое общество, служитъ ему только прикрытіемъ эксплуататорскихъ и завоевательныхъ аппетитовъ“.... (25).

Въ дебатахъ соціалъ-имперіалисты приводили почти буквально, тѣ-же „марксистскіе“ доводы, которыми теперь защищаютъ имперіализмъ своего „отечества“ Ленчъ, Шейдеманъ, Масловъ и др.

Окончательный результатъ голосованія на Штутг. конгрессѣ таковъ: 127-ью противъ 108 при 10 воздержавшихся проектъ ревизіонистовъ отвергнутъ и принятъ проектъ марксистовъ.

Но замѣчательно, какія страны голосовали за соц.-шовинистскую резолюцію и какія противъ. За—голосовали Германія, Австрія, Англія (большинство), Франція (большиншинство), Бельгія, Голландія, Данія, Богемія—почти всѣ страны западной и центральной Европы, всѣ страны стараго

рабочаго движенія. Это—знаменательнѣйшій фактъ: уже въ 1907 году ревизіонизмъ (и соціалъ-шовинизмъ) имѣлъ большинство почти во всѣхъ старыхъ европейскихъ партіяхъ. (Противъ ревизіонистовъ голосовали: Россія, Польша, Японія, Сербія, Румынія, Болгарія, Норвегія, Финляндія, Испанія, Аргентина и пр.).

У австрійскихъ с. д. не нашлось даже меньшинства [1]) (по крайней мѣрѣ, на конгрессѣ), которое выступило-бы противъ соціалъ-шовинистской резолюціи ревизіонистовъ. Въ комиссіи конгресса видный вождь австр. с.-д. Пернерсторферъ отъ имени всей австрійской с-діи заявляетъ: „Я не могу раздѣлить позицію Ледебура, который защищаетъ окостенѣлое отрицаніе (Ледебуръ въ Штутгартѣ защищалъ *марксистскіе* взгляды на имперіализмъ)... Колоніи—налицо, и мы должны вмѣшаться въ колоніальную политику и дѣлать положительную работу“. [2])

А въ программной книжкѣ германскаго ревизіонистскаго журнала „Соціалистическій Ежемѣсячникъ“, вышедшей наканунѣ Штутгартскаго конгресса, съ самой боевой шовинистской статьей выступаетъ австрійскій с.-д. Карлъ Лейтнеръ, редакторъ отдѣла иностранной политики въ Вѣнской „Рабочей Газетѣ“. Въ статьѣ „Соціалдемократическій антимилитаризмъ“ онъ на самомъ дѣлѣ защищаетъ *милитаризмъ.*— Неправда, говоритъ онъ, будто современная армія есть „просто орудіе угнетенія“ рабочихъ, только „мальчишки могутъ радоваться“ по поводу того, что тамъ и сямъ солдаты отказываются подчиняться своему начальству. Соціалъ-демократы никогда не одобрятъ „національную измѣну“. Соціалъ-демократы въ рейхстагѣ должны голосовать за военные кредиты, разъ Германія будетъ обороняющейся стороной. „Простое отклоненіе есть прямая невозможность“. „Ни одинъ безпристрастный наблюдатель не сможетъ приписать нынѣшнимъ правителямъ Германіи воинственныя намѣренія“ [3])

---

[1]) Въ германской делегаціи побѣдили ревизіонисты. Но въ ней нашлось вліятельное меньшинство, которое съ помощью марксистовъ другихъ странъ провалило на конгрессѣ резолюцію ревизіонистовъ.

[2]) Протоколъ Штутгартск. конгр., нѣм. изд., стр. 112.

[3]) „Sozialstische Monatshefte“, 1907, II, стр. 628, 629, 630.

и т. д. и т. д. Въ неразвитой формѣ мы имѣемъ здѣсь—за 7 лѣтъ до возникновенія войны—всю нынѣшнюю философію соціалъ-шовинизма, вплоть до фальшивыхъ ссылокъ на Маркса и Энгельса.

Лейтнеръ не одиночка и не случайное лицо въ астрійской соц.-демократіи. Онъ и ему подобные—фактическіе хозяева въ австрійской с.-д. партіи. Онъ уже тогда отличался отъ другихъ только большей откровенностью.

Уже въ 1908—1909 годахъ, во время босне-герцеговинскаго кризиса, Лейтнеръ повелъ центральный органъ партіи въ такомъ ультра-шовинистскомъ духѣ, что встрѣтилъ рѣзкіе протесты со стороны иностранныхъ соціалистовъ: русскихъ, сербскихъ, германскихъ. Уже въ ту пору создался терминъ: лейтнеровщина („Leutnerei"), который имѣлъ тогда приблизительно тотъ-же смыслъ, что теперь: зюдекумовщина (или: плехановщина). Но дѣло было не въ одномъ Лейтнерѣ. Съ нимъ вмѣстѣ Аустерлицъ и другіе вліятельные вожди вели шовинистскую политику совершенно сознательно и планомѣрно. Въ вѣнской „Рабочей Газетѣ" всегда можно было найти разоблаченія, направленныя противъ *сербскаго* правительства, но никогда—противъ *австрійскаго* правительства. Главный врагъ—въ *чужой* странѣ, этого основного правила соціалъ-шовинистовъ „Рабочая Газета" придерживалась уже въ 1908—10 годахъ. Дѣло дошло до того, что на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Копенгагенѣ нынѣ покойный славный вождь сербской соціалъ-демократіи Д. Туцовичъ въ сдержанныхъ выраженіяхъ, но очень энергично и настойчиво протестовалъ противъ такого поведенія австрійскихъ с.-д. [1])

Викторъ Адлеръ, старый политическій вождь австрійской соціалъ-демократіи, всю эту политику покрывалъ своимъ авторитетомъ, отчасти самъ сочувствуя ей, отчасти мирясь съ ней во имя „практическихъ" соображеній о партійномъ единствѣ и т. п. Викторъ Адлеръ—олицетвореніе дипломата и „практика" оппортунизма. Онъ—талантливый политикъ, лично чрезвычайно честный и преданный рабочимъ чело-

---

[1]) Протоколъ Копенгагенскаго конгресса; нѣм. изд., стр. 103.

вѣкъ. Теоретическія „формулы“ онъ ненавидитъ, онъ весь—человѣкъ практическихъ компромиссовъ. Онъ—„примиритель“ по преимуществу. Въ теченіе десятилѣтій онъ ухитрился—по крайней мѣрѣ формально—такъ и не занять позиціи между ревизіонистами и ортодоксальными марксистами. „Единство“ для него—все. На дѣлѣ онъ защищалъ ревизіонизмъ худшаго сорта, на дѣлѣ онъ въ австрійскихъ условіяхъ сталъ импрессаріо Лейтнеровъ и Реннеровъ...

Крайне поучителенъ австрійскій опытъ съ *чешскимъ сепаратизмомъ*.

Организаціоннымъ выводомъ изъ всей программно-политической позиціи соціалъ-шовинизма неизбѣжно является раздѣленіе рабочихъ по особымъ національнымъ стойламъ, по спеціальнымъ *національнымъ* организаціямъ всюду въ тѣхъ государствахъ, которыя населены нѣсколькими націями.

Разъ во главу узла ставится „мое отечество“, моя „національная культура“, „мой“ имперіализмъ, „моя“ буржуазія, то естественно, что чешскій пролетарій имѣетъ еще особые интересы отъ австро-нѣмецкаго пролетарія, хотя оба они живутъ въ одной странѣ. А разъ такъ, то ясно, что для защиты этихъ особыхъ интересовъ чешскій рабочій долженъ имѣть и особую организацію. Такъ неизбѣжно должны разсуждать соціалъ-шовинисты во всѣхъ странахъ, населенныхъ нѣсколькими націями, во всѣхъ „государствахъ національностей“. Австрія именно и является такимъ типичнымъ государствомъ національностей. Засилье націонализма и шовинизма въ Австріи должно было привести къ тому, что тамъ распадъ рабочаго движенія на національныя куріи произошелъ еще до войны. Австрійское рабочее движеніе раскололось на отдѣльныя національныя организаціи внутри страны—къ великой радости для буржуазіи и къ великому вреду для рабочаго дѣла.

Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. [1])

---

[1]) Само собой разумѣется, мы можемъ изложить здѣсь эту исторію лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ. По этому вопросу имѣется цѣлая литература. Интересующихся отсылаемъ къ слѣд. источникамъ: Julius Deutsch „Geshichte der oest. Gewerkschafts bewegung“, глава „Der nationale Konflikt“, стр. 280—304, Victor Adler „Das Verhältuis des deutschen Sozialde-

Еще въ 1897 году на съѣздѣ въ Вимбергѣ сепаратизму (или федерализму) была сдѣлана первая принципіальная уступка: было признано построеніе с.-д. *партіи* по національному признаку. Рабочіе каждой изъ національностей, населяющихъ Австрію, создаютъ отдѣльную національную с.-д. партію, а всѣ эти національныя партіи образуютъ—на началахъ болѣе или менѣе оформленной федераціи—общеавстрійскую с.-д. партію. „*Національная самостоятельность* и *интернаціональная связь*—таковъ основной принципъ нашей организаціи“ [1]), такъ гласила резолюція Вимбергскаго съѣзда.

Но такъ рѣшено было *только* относительно с.-д. партіи. *Профессіональные-же союзы* должны были по прежнему остаться едиными и нераздѣльными, построенными по принципу не національному, а интернаціональному. Слишкомъ ужъ было ясно, что если работающіе на одной и той-же фабрикѣ въ Вѣнѣ или Прагѣ пролетаріи чехи будутъ входить въ одинъ союзъ, а пролетаріи нѣмцы въ другой союзъ, то отъ этого выйдетъ огромное ослабленіе рабочей организаціи.

Однако, такой компромиссъ *не могъ* быть прочнымъ. Партія и проф. союзы не отдѣлены другъ отъ друга китайской стѣной. Дѣятельность той и другихъ переплетается тысячами нитей — особенно въ Австріи. Оставалось одно изъ двухъ: либо отказаться отъ раздѣленія партіи на національныя куріи и вернуться къ *интернаціональной* организаціи, либо—раздѣлить такимъ-же образомъ и профессіональные союзы.

Буржуазный національзмъ въ Богеміи росъ и все больше заражалъ чешское рабочее движеніе. Австро-нѣмецкая с.-дія не могла создать противоядія, поелику она и сама была за-

mokratie zu den Bruderparteien in Oesterreich“, рефератъ, читанный на съѣздѣ въ Инсбрукѣ въ 1911 г. (протоколы стр. 197—217), „Dokumente des Separatismus“, herausgegeben vom Oesterreich. Metallarbeiterverband zum zehnten Verbandstag“, Wien 1911, „Der Streit zwischen den tschechischen und deutschen Gewerksch“, Prag (изданіе сепаратистовъ); затѣмъ—протоколы Копенг. конгресса (по ироніи судьбы, нынѣшній націоналистъ Плехановъ выступилъ тамъ докладчикомъ интернаціоналистовъ); затѣмъ—многочисленныя статьи Бауэра и другихъ въ „Kampf“, ст. Каутскаго въ „Neue Zeit“ и т. д.

[1]) См. названный рефератъ В. Адлера, стр. 199.

ражена этой болѣзнью. Націонализмъ не перестаетъ быть націонализмомъ отъ того, что онъ не чешскій, а нѣмецкій націонализмъ. Конфликтъ наросталъ. Послѣдній *общеавстрійскій* с.-д. съѣздъ состоялся въ 1905 году. Послѣ этого общеавстрійская организація фактически распалась. Стремленіе къ отдѣленію (сепаратизмъ) у чеховъ росъ. Они стали разбивать одинъ за другимъ профессіональные союзы рабочихъ, создавая особые чешскіе союзы. Среди чешскихъ рабочихъ у сепаратистовъ оказалось большинство. Чешскіе централисты образовали особую партію, но она пока очень слаба по сравненію съ сепаратистами. Послѣдніе развили сильную націоналистическую агитацію. Всякій рабочій — чехъ, входящій въ общую, а не чешскую, организацію, объявлялся измѣнникомъ своей націи. Въ ходъ были пущены самыя сильно дѣйствующія средства. Доходило до штейкбрехерства на „національной“ почвѣ. Расколъ сталъ фактомъ.

Тогда В. Адлеръ и его друзья перенесли дѣло на судъ Копенгагенскаго международнаго конгресса (1910 г.). Австро-нѣмецкіе с.-д. потребовали, чтобы во имя интернаціонализма конгрессъ призналъ недопустимымъ дробленіе и расколъ союзовъ по національному признаку. Конгрессъ въ самомъ дѣлѣ подавляющимъ большинствомъ голосовъ призналъ это. Онъ не могъ поступить иначе. Съ энтузіазмомъ голосовали мы всѣ за то, что союзы должны быть недѣлимы и едины, независимо отъ того, къ какой націи принадлежатъ рабочіе, населяющіе данную страну. Мы вѣрили въ то, что австро-нѣмецкіе с.-д. защищаютъ принципы интернаціонализма. Увы! Послѣдовавшія событія показали, что на самомъ дѣлѣ здѣсь была только борьба *двухъ націонализмовъ* между собой: чешскаго и нѣмецкаго. Резолюція Копенг. конгресса сама по себѣ остается правильной. Но объективно она была поддержкой нѣмецкаго націонализма противъ чешскаго. На дѣлѣ и чешскіе сепаратисты и нѣмецкіе „централисты“ были и остаются одинаковыми соціалъ-шовинистами...

Послѣ Копенгагенскаго конгресса развитіе конфликта пошло еще быстрѣе. Сепаратисты не подчинились конгрессу. Они безпощадно разорвали всѣ еще не-разорванныя профе-

ціональныя организаціи рабочихъ. Расколъ принялъ самыя острыя формы. Одинъ націонализмъ столкнулся съ другимъ націонализмомъ. И пока они не слились въ націоналистическій съ позволенія сказать „Интернаціоналъ“, пока они не создали панъ-націоналистическую общую организацію изъ „равноправныхъ“ націоналистическихъ партій,—до тѣхъ поръ никакой миръ между ними не былъ возможенъ.

Великое „объединительство“ В. Адлера и его учениковъ оказалось безсильнымъ предотвратить расколъ. Оппортунизмъ привелъ австрійскую соціалъ-демократію не только къ націонализму въ программѣ, но и къ націонализму въ организаціи, къ націоналистическому расколу въ рядахъ самихъ рабочихъ, привелъ къ такому плачевному положенію, когда каждая экономическая стачка могла тормозиться этимъ націоналистическимъ расколамъ.

Въ парламентѣ (рейхсратѣ) с.-д. депутаты (ихъ сейчасъ 70 чел.) образовали отдѣльныя національныя фракціи (клубы). Къ своей „буржуазіи эти с.-д. клубы часто оказывались гораздо ближе“, чѣмъ къ „чужимъ“ с.-д. Польскіе с.-д., со старымъ соціалъ-патріотомъ И. Дашинскимъ во главѣ, формально не откололись, но фактически всегда были особой партіей. Ихъ „автономія“ была такъ широка, что они въ 1915 году могли безпрепятственно, и не спросясь общей партіи, слиться съ черносотеннымъ польскимъ коло въ австрійскомъ рейхсратѣ. Націонализмъ польскихъ с.-д.“ въ Австріи уже давно отлично совмѣщается съ... самымъ откровеннымъ антисемитизмомъ.

Такъ націонализмъ еще до войны привелъ офиціальную австрійскую соціалъ-демократію къ банкротству.

Дальше некуда итти...

Австрійскій опытъ—и программно-политическій и организаціонный — можетъ послужить только отпугивающимъ примѣромъ для пролетаріевъ другихъ странъ, желающихъ сохранить *соціалистическій* характеръ за рабочимъ движеніемъ.

IX. Соціалъ-демократія въ Австріи.

(Во время войны).

...Грянула война. Всѣмъ своимъ предыдущимъ развитіемъ австрійская соціалъ-демократія была подготовлена къ тому, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ она стала: націоналъ-либеральной организаціей на службѣ у австро-германскаго имперіализма и Габсбургской монархіи.

Австрійскіе с.-д. не голосовали за военные кредиты. Но это единственно потому, что имъ вообще не пришлось голосовать: австрійскій рейхсратъ не былъ созванъ ни въ началѣ войны, и ни разу въ теченіе всей войны (Правительство боялось, что въ рейхсратѣ не обойдется безъ національной борьбы). Такимъ образомъ, австрійскіе с.-д.—по обстоятельствамъ, совершенно отъ нихъ не зависѣвшимъ—*формально* соблюли невинность. Но они съ первой-же минуты войны всемѣрно и всецѣло солидаризовались съ зюдекумами германской соціалъ-демократіи и повели свои газеты въ духѣ самаго разнузданнаго шовинизма. Пишущаго эти строки начало войны случайно застало въ Австріи, гдѣ ему пришлось пробыть до паденія Львова. Картина, которую являла собой тогда польская и австро-нѣмецкая „с.-д." печать, на всю жизнь явится для него однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній...

На слѣдующій день послѣ предъявленія Австріей ультиматума Сербіи центральный органъ германской соціалъ-демократіи „Vorwärts", не потерявши еще голову, писалъ:

„На Балканахъ еще не исчезла съ полей кровь убитыхъ, еще бродятъ безъ работы голодные люди, осиротѣлыя жены и дѣти, а австрійскій имперіализмъ уже снова посылаетъ фурію войны, грозящую смертью и преступленіемъ всей Европѣ.

„Если мы осуждаемъ происки великосербскихъ націоналистовъ, то все-же безстыдная провокація австро-венгерскаго правительства требуетъ самаго рѣзкаго протеста... Ни одной капли крови, ни одного нѣмецкаго солдата тщеславію

австрійскихъ насильниковъ, жадности имперіалистическихъ интересовъ“.

А официальная австрійская соціалъ-демократія уже въ этотъ историческій моментъ вела себя болѣе чѣмъ двусмысленно. Лейтнеры и Аустерлицы травили Сербію, забывая объ имперіалистахъ своего собственнаго „отечества“. Языки и перья официальныхъ австрійскихъ с.-д. устремились на разоблаченіе „реакціонизма“ въ Россіи, при чемъ австрійскіе с.-д. забыли мелочь: *реакцію въ собственной странѣ.*

Накануне объявленія войны клубъ австро-нѣмецкихъ депутатовъ рейхсрата выступилъ съ блѣднымъ и анемичнымъ воззваніемъ — для очистки совѣсти. А когда война была объявлена, плотину прорвало, и—не было больше удержу расходившемуся шовинизму. Вѣнская „Рабочая Газета“ объявила единственной задачей австро-германскаго пролетаріата—спасеніе „нѣмецкаго человѣчества“. Главный редакторъ центральнаго органа с.-д. партіи, Фридрихъ Аустерлицъ въ упоеніи первыми побѣдами нѣмцевъ помѣщалъ передовыя статьи подъ заглавіемъ „Въ Парижъ!“ О сербахъ иначе не говорили, какъ о „полудикихъ“, а о русскихъ—и подавно.

Лозунгъ „противъ русскаго реакціонизма“ сыгралъ громадную роль въ Германіи, но еще большую—въ Австріи. У Германіи съ самаго начала было три противника: Англія, Франція и Россія. У Австріи въ началѣ только одинъ противникъ: Россія. Чтобы вызвать военный энтузіазмъ австрійскихъ рабочихъ, австрійскимъ соціалъ-шовинистамъ надо было во всю разжигать, противъ „русскаго реакціонизма“. Они эксплоатировали въ данномъ случаѣ старую революціонную традицію австро-германскихъ рабочихъ, они играли на старыхъ революціонныхъ струнахъ, якобы не замѣчая того, что при данной обстановкѣ то, что ранѣе было революціонно, теперь *стало контръ-революціонно...* На эту удочку поймалось немало честныхъ и искреннихъ рабочихъ-соціалистовъ Австріи и Германіи. Въ началѣ войны, напр., и честный соціалъ-пацифистъ Эдуардъ Бернштейнъ выступилъ съ серіей статей, въ которыхъ звалъ нѣмецкихъ рабочихъ, во

имя старыхъ революціонныхъ завѣтовъ Маркса и Энгельса, итти „освобождать“ Россію отъ „реакціонизма“. Бернштейнъ вскорѣ понялъ, кому на пользу пошли эти статьи. Онъ открыто отрекся отъ нихъ, заявивъ, что день, когда онъ написалъ эти статьи, онъ будетъ считать самымъ несчастнымъ днемъ въ своей жизни. Онъ понялъ, что какъ отъ „реакціонизма“, такъ и отъ соотвѣтствующаго „милитаризма“, могутъ освободить себя только сами рабочіе данныхъ странъ...

Первый годъ войны соціалъ-шовинизмъ въ Австріи безвозбранно совершалъ свои оргіи. Героемъ дня сталъ Лейтнеръ. Онъ выпустилъ книжонку подъ заглавіемъ: „Русскій народный имперіализмъ“ [1]), въ которой на основаніи пары цитатъ изъ Достоевскаго и Влад. Соловьева доказывается, что весь русскій народъ—и особенно крестьянство—насквозь проникнутъ имперіализмомъ [2])... Намъ рѣдко приходилось читать что-либо глупѣе это книжонки. Но она отвѣчала „духу времени“. Ее подхватила вся буржуазія. Съ ней носились, какъ съ откровеніемъ. Авторъ прослылъ глубокимъ знатокомъ Россіи и души русскаго народа.

Но въ 1915 году соціалъ-демократическая оппозиція выступаетъ открыто и въ Австріи. По мѣрѣ того, какъ крѣпла оппозиція въ Германіи, гдѣ голосъ Карла Либкнехта встрѣтилъ такой откликъ, наростала оппозиція и въ Австріи. Въ австрійской печати съ серіей статей выступаетъ Робертъ Даннебергъ, который заявляетъ, что все поведеніе офиціальной австрійской соціалъ-демократіи есть измѣна принципамъ интернаціональнаго соціализма.

На дерзновеннаго критика набрасываются всѣ нотабли официальной австрійской соціалъ-демократіи. Больше всѣхъ отличился Энгельбертъ Пернерсторферъ, старый вождь австрійскихъ с.-д., открыто называющій себя (какъ и Гайндманъ, Эрве и др.) „націоналъ-соціалистомъ“. Онъ постоян-

---

[1]) Karl Leuthner „Russischer Volksimperialismus“, 1915.

[2]) Открытіе это нисколько не уступаетъ открытію, сдѣланному Густавомъ Эрве и К°, что весь нѣмецкій народъ состоитъ изъ насильниковъ и „бошей“...

ный предсѣдатель партійныхъ съѣздовъ, онъ представляетъ партію въ президіумѣ рейхстага, онъ, однимъ словомъ, вліятельнѣйшее лицо. И вотъ что пишетъ онъ, отвѣчая Даннебергу:

— „Почти въ теченіе двухъ поколѣній германская соціалъ-демократія проповѣдывала фальшивую идею стараго интернаціонализма. Но вотъ пришла война и сдунула, какъ ветошь, эту безжизненную теорію... Между рабочими есть еще много такихъ, которые воспитались въ этихъ идеяхъ стараго интернаціонализма. Но.. жизнь сильнѣе теорій". Мѣсто „стараго интернаціонализма" долженъ занять новый „національный соціализмъ" (тутъ авторъ съ особеннымъ удовольствіемъ „солидаризируется" съ Жоресомъ). Кто проповѣдуетъ теперь старый интернаціонализмъ? „Маленькая кучка академиковъ, образующая замкнутую клику... И эта кучка состоитъ не только изъ академиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исключительно—*изъ евреевъ*"(!) [1]).

Зарвавшагося Пернерстофера осторожненько одергиваетъ Викторъ Адлеръ: „дѣло все-таки не въ евреяхъ; развѣ Карлъ Либкнехтъ, Францъ Мерингъ и др.—евреи? Но и Даннебергъ, разумѣется, не правъ. Когда война пришла, тогда „въ каждомъ нѣмецкомъ человѣкѣ, каждая капля крови кричала: мы должны защищаться, мы должны дать странѣ орудія защиты, *мы должны*"... Конечно „это было тяжело". „Трудно было-бы понять того *соціалъ-демократа*, который сдѣлалъ-бы это безъ боли, безъ внутренней борьбы съ самимъ собой... Но трудно было-бы понять того *нѣмца*, который поступилъ-бы иначе" [2]).

Я — соціалистъ, но я и — нѣмецъ. Тутъ вся философія соціалъ-шовинизма.

Дальше слѣдуетъ обычныя росказни о борьбѣ противъ русскаго „реакціонизма" — тема, которую противъ Даннеберга тщательно „разрабатываетъ" видный депутатъ и членъ партійнаго правленія Вильгельмъ Элленбогенъ [3]).

---

[1]) Volkstribüne" № 17, Wien. Чтобы его не заподозрили въ антисемитизмѣ, Пернерстоферъ тутъ-же заявляетъ, что на дѣлѣ онъ—филосемитъ (sic!).

[2]) „Volkstribüne", № 18, Wien.

[3]) „Volkstribüne", № 19 и др.

Тщетно интернаціоналистка Тереза Шлезингеръ напоминаетъ Адлеру и его ученикамъ, что надо, какъ выражаются англичане, „помести передъ собственнымъ домомъ“, что врагъ стоитъ въ собственной странѣ. Еще Фрейлигратъ въ своемъ пламенномъ стихотвореніи „Вѣна“ напоминалъ намъ, австрійцамъ:

— Räum auf im eignen Hause! Räum auf und halte Stich.
Den Jellachisch zu jagen, wirf deinen Jellachisch!..

Все это соціалъ-шовинисты пропускаютъ мимо ушей. Ихъ интересуетъ что угодно—только не ихъ „собственный Еллачичъ“...

Ставшій на путь націонализма, австрійскіе оффиціальные с.-д. вмѣстѣ съ тѣмъ лицемѣрно „настаиваютъ“ (какъ и германскіе Шейдеманы) на возстановленіи интернаціональныхъ связей. Почему нѣтъ? Одно не мѣшаетъ-де другому. „Тотъ фактъ, что соціалъ - демократическія партіи воюющихъ странъ защищаютъ каждая свою страну и свой народъ, не долженъ служить препятствіемъ къ возстановленію интернаціональныхъ связей между всѣми соціалистическими партіями, не долженъ служить препятствіемъ и къ тому, чтобы ихъ международныя учрежденія продолжали свою дѣятельность[1])? Такъ, буквально такъ, гласитъ резолюція, принятая на вѣнской конференціи (12 и 13 апрѣля 1915 г.), въ которой участвовали оффиціальныя с.-д. партіи Австріи, Венгріи и Германіи. Дипломаты названныхъ партій забыли только сказать: *что-же именно* будутъ дѣлать соціалистическія международныя учрежденія, пока по рецепту Зюдекума, Адлера и ихъ единомышленниковъ въ другихъ странахъ с.-д. будутъ защищать своихъ имперіалистовъ... то бишь „свою страну и свой народъ“.

Адлеръ и его друзья—даже знаменитый Пернерсторферъ—вообще большіе сторонники т. н. „взаимной амнистіи“. Никакого краха Интернаціонала вовсе-де не произошло. Всѣ исполняли свой долгъ. Интернаціоналъ вообще только „орудіе мирнаго времени“ (Каутскій). По окончаніи войны *всѣ*

---

[1]) Цитируемъ по отчету „Volkstribüne“, № 17, 1915.

соціалисты должны признать, что по своему всѣ они были правы, дать другъ другу амнистію за нѣкоторыя невольныя прегрѣшенія и — „возстановить“ прежній 2-й Интернаціоналъ.

„Когда мы переживемъ это тяжелое время, нашей первой обязанностью будетъ не ставить другъ другу каждое лыко въ строку“ [1]), т. е. отпустить другъ другу грѣхи.

„Поведеніе германской и, само собой разумѣется, также австрійской соціалъ-демократіи объявлено французскими соціалистами измѣной Интернаціоналу. У французовъ нѣтъ пониманія того, что мы сдѣлали *какъ разъ то же самое*, что и они сами должны были сдѣлать“! Такъ пишетъ умнѣйшій изъ оппортунистовъ и нынѣшнихъ соціалъ-шовинистовъ Викторъ Адлеръ. Линія защиты дана: и мы и вы „*должны* были сдѣлать“ то, что сдѣлали.

— „Ваше сердце на сторонѣ Франціи... Я уважаю ваше чувство, — писалъ недавно въ журналѣ „März“ Пернерсторферъ въ отвѣтъ на открытое письмо упрекавшей его въ шовинизмѣ француженки изъ французской Швейцаріи.—Я не могъ бы понять француза, который въ эти дни національнаго кризиса не стоялъ бы на сторонѣ своей націи... Но, такъ же, какъ вы являетесь хорошей француженкой, я считаю себя хорошимъ нѣмцемъ“. А потому... и т. д.

Типичное разсужденіе добраго, благовоспитаннаго буржуа! Но при чемъ тутъ соціализмъ и интернаціонализмъ?

Австрійскіе официальные соціалъ-демократы „понимаютъ“ своихъ друго-враговъ, поступившихъ такъ-же, какъ они. Но они „понимаютъ“ также и тѣхъ, кто остался вѣренъ „старому интернаціонализму“. „Непреходящей славой итальянскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ интернаціональнаго соціализма останется тотъ фактъ, что соціалисты Италіи до послѣдняго момента, когда совершилось безсмысленное преступленіе военнаго вмѣшательства Италіи, боролись за под-

---

[1]) „Arbeiter Zeitung“, Wien, 1915, № 45.

держаніе мира всѣми средствами"—писала вѣнская „Рабочая Газета". Выходитъ, что и на интернаціоналистскомъ поведеніи можно нажить политическій капиталецъ: смотрите-де, сами итальянскіе соціалисты голосуютъ противъ военныхъ кредитовъ и говорятъ, что ихъ правительство плохо. *Значитъ*... значитъ наше австрійское правительство очень хорошо, и намъ слѣдуетъ голосовать за военные кредиты. Буквально такъ поставилъ вопросъ на трибунѣ германскаго рейхстага „соціалистъ" Эбертъ... Справедливость требуетъ только прибавить, что такъ поступаютъ не одни австро-германскіе соціалъ-шовинисты; выступленія Карла Либкнехта тоже часто используются безпринципными и без..совѣстными людьми въ такомъ-же смыслѣ.

С.-д. оппозиція въ Австріи въ значительной ея части группируется вокругъ т. н. „австро-марксистовъ". Австромарксистами называла себя въ Австріи группа марксистовъ „центра", желавшихъ, какъ въ послѣдніе годы и Каутскій, отмежевываться и направо и налѣво. Во главѣ этой группы стоялъ до войны Отто Бауэръ (какъ и большинство редакціи ежемѣсячника „Kampf"). Отто Бауэръ въ его извѣстной книгѣ „Національный вопросъ и соціалъ-демократія" рѣшительно выступаетъ *противъ* имперіализма, солидаризируясь въ общемъ и цѣломъ съ „Финансовымъ Капиталомъ" Гильфердинга. Но онъ такъ-же, какъ и Реннеръ, защищаетъ „культурно - національную автономію"; подъ вліяніемъ австрійскихъ условій также и онъ, по мягкой характеристикѣ Каутскаго, чрезмѣрно подчеркиваетъ національный моментъ. Уже въ названной книгѣ Бауэръ выдвинулъ теорію, будто у рабочихъ угнетенныхъ націй революціонный инстинктъ долженъ порождать „наивный національизмъ", а у рабочихъ національно-насыщенныхъ народовъ—„наивный космолитизмъ" [1]), между тѣмъ какъ с.-дія должна будто-бы дать нѣчто среднее, синтезъ между тѣмъ и другимъ.

---

[1]) Отто Бауэръ „Національный воцросъ и С—дія". 1909, русск. изд., стр. 318, 319.

Это былъ мостикъ къ нынѣшнему соціалъ-шовинизму [1]). И тысячу разъ былъ правъ лѣвый австрійскій марксистъ І. Штрассеръ, когда онъ въ своей—во многихъ отношеніяхъ прямо превосходной—работѣ „Рабочій и Нація" упрекалъ „австро-марксистовъ" центра въ томъ, что ихъ интернаціонализмъ есть *„ревизіонистскій интернаціонализмъ"*, доказывалъ еще въ 1912 году, что для многихъ австрійскихъ с.-д. „интернаціонализмъ есть просто сумма всѣхъ націонализмовъ" [2]).

До войны, пока все шло по накатаннымъ рельсамъ, „австро-марксисты" выступали противъ имперіализма и милитаризма. Въ декабрѣ 1912 года въ органѣ этой группы выступилъ, напр., Генрихъ Веберъ со статьей „Соціализмъ и война". Въ ней мы читаемъ слѣдующія прекрасныя строки.

„Европа—пишетъ авторъ—нынѣ раздѣлена на 2 лагеря: тройственный союзъ и тройственное согласіе. За какую изъ этихъ группъ можетъ высказаться соціализмъ? За тройственный союзъ? Но это значило-бы высказаться за господство юнкеровъ и милитаризма въ Германіи, за Тиссу и Кувая въ Австро-Венгріи, за висѣлицы въ Триполитаніи, за нападеніе на Сербію! За тройственное согласіе? Но это значило-бы" и т. д. [3]).

Такъ писали въ органѣ центра въ 1912 году. Но тогда и самъ Викторъ Адлеръ говорилъ въ этомъ-же духѣ. Достаточно вспомнить его рѣчь на международномъ конгрессѣ въ Базелѣ (1912), рѣчь, которую мы не можемъ даже процитировать здѣсь [3]). А вотъ когда настали новыя времена (война), тогда мы услышали и новыя пѣсни...

То обстоятельство, что въ числѣ руководителей австрійской с.-д. оппозиціи состоятъ многіе „австро-марксисты", не внушаетъ большихъ на нее надеждъ. „Марксисты центра"

---

[1]) Какихъ взглядовъ держится теперь Бауэръ—неизвѣстно. Онъ находится въ русскомъ плѣну, какъ офицеръ.

[2]) Josef Strasser „Der Arbeiter und die Nation", Reichenberg 1912, S. 54.

[3]) „Kampf", 1912, 466.

[4]) Протоколы Базельск. конгр., 18, 19.

никогда дальше пассивнаго радикализма не шли. Всѣ надежды остается возложить на само массовое движеніе рабочихъ, которое выдвинетъ новыхъ вождей изъ своей собственной среды.

Среди „верховъ" партіи оппозиція пока малочисленна. На конференціи секретарей вь 1915 году изъ 110 чел. лишь 10 высказалось за лѣвую. На съѣздѣ въ 1916 году изъ 200 чел.—лишь 15. Но въ массахъ недовольство соціалъ-шовинизмомъ растетъ. Нелегальный манифестъ австрійской оппозиціи, заявившій свою солидарность съ Циммервальдской конференціей международныхъ соціалистовъ, встрѣтилъ очень большое сочувствіе. Замѣчательно, что чешскіе *централисты*, т. е. люди, еще до войны проведшіе борьбу со своими соціалъ-патріотами, почти всѣ на сторонѣ оппозиціи. Далѣе оппозиція имѣетъ серьезную опору въ союзѣ желѣзнодорожниковъ, среди торговыхъ служащихъ, въ женскомъ движеніи, среди пролетаріата Рейхенберга и т. д. Изъ вождей австрійской оппозиціи можно назвать Штрассера, Даннеберга, Макса и Фридриха Адлеровъ, Шлезингера и др. Ходъ дѣлъ въ *германской* с.-діи окажетъ, вѣроятно, рѣшающее вліяніе и въ Австріи. Единство съ соціалъ-шовинистами и тутъ и тамъ будетъ означать гніеніе старой партіи. Смѣлое выступленіе оппозиціи, разрывъ съ соціалъ-шовинистами возродитъ движеніе на новой основѣ...

X. Національности въ Австріи и судьбы Габсбургской монархіи.

Нигдѣ во всемъ мірѣ національный вопросъ не связанъ такъ тѣсно съ внѣшней политикой и съ самимъ существованіемъ государства, какъ въ Австріи. Борьба національностей въ Австріи—вопросъ, который для его освѣщенія самъ требуетъ цѣлой книжки. Мы ограничимся здѣсь немногимъ.

Каково численное соотношеніе національностей въ Австріи и въ Венгріи?

Приведемъ послѣднія официальныя данныя, относящіяся къ 1910 году:

Австрія (безъ Босніи-Герцоговины).

Наличное постоянное населеніе по признаку разговорнаго языка.

	Нѣмецк.	Богем.-морав.-словак.	Польск.	Русинск.	Словенск.	Сербо-хорват.	Итал. и ладин.	Румын.	Мадьяр.	ВСЕГО.
Нижн. Австрія	3.130.536	122.329	5.601	2.316	1.380	429	1.084	139	296	3.264.110
Верхн. Австрія	840.604	1.953	356	[illegible]	81	3	33	4	16	843.146
Зальцбургъ	208.009	189	33	[illegible]	176	11	136	1	1	208.562
Штирія	983.252	971	178	80	409.684	151	361	7	15	1.394.699
Каринтія	304.287	358	96	7	82.212	28	82	2	—	387.072
Крайнъ	27.915	750	89	19	490.978	205	369	—	2	520.327
Тріестъ	11.856	565	157	33	56.916	2.403	118.959	11	13	190.913
Гёрцъ и Грай	4.486	317	105	103	154.564	186	90.119	7	6	249.893
Истрія	12.735	1.807	255	43	55.134	168.184	147.417	883	5	386.463
Тироль	525.115	4.195	377	255	546	54	385.700	3	16	916.261
Форальбергъ	126.743	177	37	12	63	6	5.857	12	1	132.098
Богемія	2.467.724	4.241.918	1.541	1.062	292	190	136	33	48	6.712.944
Моравія	719.435	1.868.971	14.924	563	103	767	43	9	42	2.604.857
Силезія	325.523	180.348	235.224	255	45	3	41	3	14	741.456
Галиція	90.114	8.718	4.672.500	3.208.092	144	44	21	740	104	7.980.477
Буковина	168.851	1.005	36.210	305.101	80	1	36	273.254	10.391	794.229
Далмація	3.081	1.412	301	811	542	610	18.028	7	4	634.855
Всего 1910 г.	9.950.266	6.435.983	4.967.984	3.518.854	1.252.940	783.334	768.422	275.115	10.974	**27.963.872**
Всего 1900 г.	9.171.614	5.955.397	4.252.483	3.381.570	1.192.780	711.380	727.102	230.963	9.516	**25.632.805** [1]

[1]) Oesterreihisches Statistisches Handbuch 1913, Nien, стр. 18.

Венгрія.

	1900 годъ всего	въ %	1910 г. всего	въ %
По признаку родного языка:				
венгерцы	8.742.301	45,4	10.050.575	48,1
нѣмцы	2.135.181	11,1	2.037.435	9,8
словаки	2.019.641	10,5	1.967.970	9,4
румыны	2.799.479	14,5	2.949.032	14,1
русины	429.447	2,2	372.587	2,3
кроаты	1.682.104	8,7	1.833.162	8,8
сербы	1.048.645	5,5	1.106.471	5,3
проч.	397.761	2,1	469.255	2,2
Всего не венгерцевъ	10.512.258	54,6	10.835.912	51,9
Итого:	19.254.559	100	20.886.487	100[1])

Трудно представить себѣ болѣе сложный переплетъ.

9 націй населяютъ Австро-Венгрію. Изъ нихъ—4 крупныя націи, изъ которыхъ, однако, ни одна не имѣетъ большого и общепризнаннаго перевѣса. Всего въ Габсбургской монархіи мы имѣемъ 12 милліоновъ нѣмцевъ, 10 милл. венгерцевъ, 8½ милл. чеховъ и словаковъ, 6½ милл. сербо-кроатовъ, или, если къ послѣднимъ прибавить еще словенцевъ, 7½ милл. юго-славянъ. Далѣе идутъ 5 милл. поляковъ, 4 милл. руссиновъ (украинцевъ), 3½ милл. румынъ и т. д. Долгое время нѣмцы имѣли гегемонію. Теперь дѣло не такъ просто. Венгрія (венгерскіе аграріи) оказываютъ громадное вліяніе на всѣ дѣла монархіи. 2 милліона нѣмцевъ, живущихъ въ Венгріи, подчинены мадьярской гегемоніи.– Сербо-кроаты раздѣлены на 4 части. Одна—венгерская, другая—австрійская, третья (кроатская) нѣсколько обособилась внутри Венгріи, четвертая—боснійская.

Одна часть австро-венгерскихъ народовъ граничитъ съ другими сильными и цвѣтущими самостоятельными государствами одинаковой національности: румыны съ Руміеній, сербо-кроаты — съ Сербіей, итальянцы — съ Италіей, нѣмцы—съ Германіей. Это создаетъ тягу къ названнымъ пограничнымъ государствамъ. Поляки и руссины находятся въ другомъ положеніи: въ сосѣднемъ государствѣ живетъ

[1]) Ungarisches Statistisches Jahrbuch, 1915, стр. 19.

не мало ихъ единоплеменниковъ, но они тамъ—угнетаемое меньшинство. Это порождаетъ у поляковъ (въ особенности) и у руссинъ враждебное отношеніе къ сосѣднему государству. Чехія и Венгрія держатся за Австро-Венгрію потому, что иначе онѣ не имѣли-бы выхода къ морю.

Внутри Австро-Венгріи нѣмцы ведутъ борьбу съ чехами, венгерцы—съ сербо-кроатами, поляки—съ руссинами и т. д.

XI. Положеніе въ Австріи во время войны.

Больше, чѣмъ для какого либо другого государства, европейская война была для Австріи великимъ испытаніемъ. Испытаніе еще не кончилось, но кое-какіе итоги можно уже подвести.

Не только враги, но и нѣкоторые друзья Австріи ожидали, что какъ только міровая война начнется, лоскутная монархія Габсбурговъ затрещитъ по всѣмъ швамъ. И въ союзной Германіи и въ самой Австріи нерѣдко можно было слышать самыя пессимистическія предсказанія. Бывшему австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Кальноки принадлежатъ слова: „Отъ меня ожидаютъ, что я бодро пойду въ походъ, но забываютъ при этомъ, что у меня парализованы то моя правая, то моя лѣвая нога". Обостреннѣйшая національная борьба внутри государства часто въ самомъ дѣлѣ парализовывала всѣ государственныя функціи, отражаясь самымъ неблагопріятнымъ образомъ на иностранной политикѣ Габсбургской монархіи.

— „Мнѣ кажется, что Австро-Венгрія скорѣе идетъ навстрѣчу распаду, нежели расцвѣту ея силъ"—писалъ не такъ давно извѣстный консервативный германскій историкъ Гансъ Дельбрюкъ. А. Г. фонъ-Бюловъ (не смѣшивать съ бывшимъ канцлеромъ) въ книгѣ [1]), выпущенной незадолго

[1]) H. von Bülow „Deutschland, Oesterreich-Ungarn und die Balkanstaaten", 1914, Hamburg. Авторъ, судя по содержанію книги, близко стоитъ къ дипломатическимъ сферамъ Германіи. Въ его откровенной критикѣ

до войны, откровенно говорилъ о союзной Австріи, какъ о колоссѣ на глиняныхъ ногахъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и сами правители Австріи, отдавая приказъ о мобилизаціи, далеко не были увѣрены, что все пройдетъ гладко. Восторгъ ихъ не зналъ предѣловъ, когда оказалось, что мобилизація прошла болѣе или менѣе благополучно.

Габсбургская монархія какъ будто выдержала первое испытаніе. Моментъ опасности на время заставилъ умолкнуть національную распрю, вѣрнѣе—онъ придушилъ ее. Но—надолго-ли?

Развѣ не характеренъ тотъ фактъ, что Австрія является *единственной изъ всѣхъ воюющихъ* государствъ, въ которой за время войны ни разу не было созвано народное представительство (рейхсратъ). Венгерскіе магнаты, крѣпко сидящіе въ сѣдлѣ, свой парламентъ созываютъ. А разслабленная Австрія—не можетъ. Она боится, что даже въ теперешнія исключительныя времена созывъ рейхсрата можетъ обострить національныя тренія...

„Война пришла, а Австрія все-таки не распалась“—торжествуютъ австрійскіе патріоты. Имъ кажется, что вексель на дальнѣйшее процвѣтаніе Габсбургской монархіи у нихъ въ карманѣ. „Наступила новая эра“—провозглашаетъ австрійскій буржуазный историкъ Харматцъ.

„Австрія политически и экономически помолодѣла, внутренне возмужала, освободилась отъ всѣхъ двусмысленностей, переживаетъ весну, эпоху роста и процвѣтанія“ [1])—пишетъ этотъ историкъ. И онъ заканчиваетъ въ экстазѣ строфой изъ габсбургскаго гимна:

Heil dem Kaiser, heil dem Lande
Oesterreich wird *ewig* stehn!

(Слава кайзеру, слава странѣ, Австрія будетъ существовать *вѣчно).*

На самомъ дѣлѣ и сейчасъ есть достаточно основаній для того, чтобы быть осторожнѣе въ подобныхъ предсказа-

---

Австріи слышатся ноты презрительнаго превосходства: членъ болѣе сильной дипломатической котеріи сверху внизъ смотритъ на своихъ болѣе слабыхъ собратьевъ.

[1]) Richard Charmatz „Oesterreich-Ungarns Erwachen“, 1915, 31, 32.

ніяхъ. Несмотря на офиціальное благополучіе, о которомъ не перестаютъ трубить австрійскіе патріоты, мы знаемъ, что во время войны „помолодѣвшая“ монархія вынуждена была сотнями, если не тысячами, разстрѣливать и вѣшать своихъ собственныхъ подданныхъ: чеховъ, русинъ, сербо-кроатовъ, итальянцевъ. Паденіе Львова въ началѣ войны вызвало припадокъ бѣшенной злобы противъ русинъ. Наканунѣ паденія Львова и вскорѣ послѣ его паденія австрійскія власти—по военному суду и безъ всякаго суда—разстрѣливали и вѣшали безпощадно всѣхъ „подозрительныхъ“ жителей пограничныхъ областей восточной Галиціи. Польскіе буржуазные шовинисты, давнишніе ненавистники украинцевъ, разжигали ненависть особенно усердно. Едва-ли не всѣ русины были объявлены „здрайцами“ (измѣнниками). И—не было имъ пощады... Сколько безвѣстныхъ сербо-кроатскихъ, итальянскихъ и чешскихъ крестьянъ повѣсила за время войны „помолодѣвшая“ габсбургская монархія—этого не знаетъ никто. Но такіе судебные процессы, какъ процессъ депутатовъ Крамаржа и Баттисти, показываютъ, что австрійская монархія дѣйствуетъ безъ пощады. Крамаржъ представитель вліятельнѣйшей чешской партіи, депутатъ и виднѣйшій вождь имущихъ слоевъ Богеміи. Если его рѣшаются приговорить къ смертной казни, то ясно, что приходится прибѣгать къ „экстреннымъ“ мѣрамъ, что въ Чехіи не все обстоитъ благополучно по части австрійскаго патріотизма. Докторъ Баттисти былъ депутатомъ города Тріента въ австрійскомъ рейхсратѣ (выбранъ какъ соціалъ-демократъ). Съ начала войны онъ, перейдя на точку зрѣнія соціалъ-патріотизма, покинулъ Австрію и поѣхалъ въ Италію вести агитацію за войну. Съ началомъ австро-итальянской войны онъ вступилъ въ итальянскую армію, въ 1916 году былъ взятъ австрійцами въ плѣнъ и повѣшенъ по военному суду за „измѣну“. Мы не можемъ сказать, чтобы за Баттисти стояли большія народныя массы. Но что онъ все-таки не одиночка, что онъ выразилъ настроеніе опредѣленныхъ круговъ австро-итальянскаго населенія, это несомнѣнно.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что если въ Австріи во время войны дѣло не дошло до открытыхъ національныхъ

возстаній, то, во всякомъ случаѣ національная борьба не только не смолкла, а приняла мѣстами форму гражданской войны. Габсбургской монархіи пришлось одной рукой подкупать часть „благонадежныхъ“ украинцевъ (пресловутый „союзъ освобожденія Украйны“), а другой рукой вѣшать и разстрѣливать „неблагонадежныхъ“ украинцевъ. И та-же политика практикуется по отношенію къ чехамъ. Австрійскіе политики называютъ все это „мелкими домашними ссорами“. На самомъ дѣлѣ это еще въ гораздо меньшей степени „домашнія ссоры“, чѣмъ, скажемъ, событія 1916 года въ Дублинѣ...

Кромѣ офиціальныхъ оптимистовъ мы и сейчасъ видимъ въ Австріи очень вліятельныхъ политиковъ, которые настроены крайне пессимистически. Не далѣе, какъ въ маѣ 1916 года высокопоставленный вождь австрійскихъ клерикаловъ, графъ Кренневиль писалъ въ клерикальномъ журналѣ „Новая Австрія“:

„Національнаго мира въ Австріи никогда не будетъ. Никакой компромиссъ, никакое соглашеніе не дастъ больше, чѣмъ простое временное перемиріе“. А еще болѣе вліятельный представитель австрійскихъ клерикаловъ, принцъ Лихтенштейнъ, писалъ въ томъ же журналѣ въ апрѣлѣ 1916 года:

„Австрія есть географическая аномалія... Она—какъ колодникъ, прикованный къ колесу„. („Das neue Oesterreich“).

Какъ *ни хотятъ* господа клерикалы сохранить „цѣлость“ Австріи, дабы попрежнему сидѣть на спинѣ цѣлыхъ 11 народовъ, они, въ качествѣ реальныхъ политиковъ, не могутъ не видѣть тѣхъ трудностей, которыя стоятъ этому на пути. Они не прячутъ, подобно страусу, голову подъ крыло.

Такъ обстоитъ положеніе въ сферѣ *національной* борьбы...

Экономическое положеніе Австріи крайне трудное, напряжены послѣднія силы. Когда въ началѣ войны на первый военный заемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней подписано было 2 милліарда кронъ въ Австріи и одинъ милліардъ въ Венгріи—сами заправилы австрійской политики ахнули отъ пріятной неожиданности. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Война поглощала милліардъ за милліардомъ. Къ 1-му августа 1916 года, т. е. къ двухлѣтію войны, военные рас-

ходы Австро-Венгріи, по *минимальнымъ* подсчетамъ, достигнули 22.950 милліоновъ марокъ. А государственные долги Австро-Венгріи увеличились съ 15.300 милліоновъ марокъ передъ началомъ войны до 29.700 милліоновъ марокъ къ 1-му января 1916 года [1]). Въ воздухѣ пахнетъ государственнымъ банкротствомъ.

Продовольственный кризисъ даетъ себя знать съ чрезвычайной силой. Впереди голодъ. А „недоѣданіе“ давно уже стало въ Австріи „бытовымъ явленіемъ“. На цѣлый рядъ предметовъ первой необходимости введены карточки по германскому образцу. Положеніе въ основномъ то-же, что въ Германіи—минусъ германская образцовая организованность.

Дороговизна предметовъ первой необходимости въ Австріи не только не уступаетъ другимъ странамъ, но пожалуй, превосходитъ ее. На рынкѣ въ Вѣнѣ мясо стоило наканунѣ войны (25 іюля 1914 г.) 2.60—3,40 кронъ за килограммъ, а въ началѣ іюля 1916 г.—8,90—10,20 кронъ. Мясо лучшаго сорта поднялось отъ 2,80—3,80 до 9,70—11,20. Масло возрасло въ цѣнѣ отъ 2,20—4 до 9—11 кронъ. Свиной жиръ отъ 1,70—2 до 11 кронъ. Молоко стоило въ іюлѣ 1914 г. 26—30 геллеровъ за литръ, въ іюлѣ 1916 г. до 50 геллеровъ. Сахаръ возросъ въ цѣнѣ съ 80 геллеровъ, до 1,06 кронъ. Хлѣбъ стоилъ въ іюлѣ 1914 г. 27—45 геллеровъ, въ іюлѣ 1916 г. въ продажѣ есть одинъ только сортъ хлѣба, стоющій 57,5 геллеровъ за килограммъ.

И въ то-же время заработная плата рабочихъ почти совсѣмъ не подымается. Женскій и дѣтскій трудъ практикуется въ невиданныхъ размѣрахъ. Платятъ гроши. Взрослымъ рабочимъ прибавляютъ въ большихъ городахъ максимумъ 90 геллеровъ въ день (30 к.), какъ компенсацію за дороговизну.

А между тѣмъ австрійскіе фабриканты, — особенно тѣ, что работаютъ на „оборону“, кладутъ милліонные барыши въ карманъ. Одинъ Skoda (пушечный заводъ) „заработалъ“ въ 1915 году 25 милліоновъ кронъ!

---

[1]) См. H. Cunow „Kriegskosten u. Staatsschulden“. По другимъ подсчетамъ, одна Венгрія расходуетъ на войну 20 милліон. кронъ въ день, и общіе расходы Австро-Венгріи значительно выше приведенной цифры.

Пенсіи инвалидамъ и семьямъ убитыхъ несравненно *меньше*, чѣмъ въ Германіи. Въ Венгріи парламентъ рѣшилъ давать инвалидамъ отъ 60 до 180 кронъ *въ годъ*—въ зависимости отъ степени потери трудоспособности. Въ Австріи норовятъ еще понизить эти суммы — благо рейхсратъ не собирается вовсе.

Въ этомъ и заключается разница между пресловутымъ „бургфриденомъ“ (перемиріе классовъ) въ Германіи и въ Австріи. Съ оффиціальной австрійской соціалъ-демократіей не пришлось считаться даже въ такой минимальной мѣрѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Германіи по отношенію къ соціалъ-шовинистамъ. Австрійская с.-дія *уже и до войны* покорно плелась за правительствомъ—зачѣмъ-же дѣлать стоящимъ за ней трудящимся массамъ даже самыя незначительныя уступки?

Еще хуже положеніе многочисленныхъ слоевъ австрійскаго крестьянства. Если и до войны королевство Лодомерію, (Галицію) съ полнымъ правомъ называли *Глодомеріей* — ибо тамъ нѣсколько милліоновъ крестьянъ регулярно голодало—то можно себѣ представить, какъ въ этой „Глодомеріи“ живутъ крестьяне теперь...

Австрія ведетъ *первую* войну всеобщей воинской повинности. Выдержала-ли ея *армія* испытаніе войны? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Уже до войны изъ рядовъ самихъ австрійскихъ дѣятелей можно было слышать весьма пессимистическіе отзывы объ австрійской арміи. Извѣстны слова австрійскаго военнаго министра фонъ Шенаиха, жаловавшагося на то, что австро-венгерская армія „все болѣе уподобляется засыхающему дереву“.

Австро-венгерская армія организована въ общемъ централистически. Всѣ національности, населяющія Австро-Венгрію, посылаютъ своихъ рекрутъ въ общую армію, въ которой оффиціальнымъ языкомъ является нѣмецкій. Однако, венгры и здѣсь имѣютъ свои привилегіи. Они вносятъ и въ организацію арміи элементы дуализма. Австро-Венгерская конституція знаетъ трехъ родовъ вѣдомства: **К.-К.** (kaiserlich-königliech: королевско-императорскія), вѣдающія дѣла *только* Австріи; **К. и К.** (Kaiserliche und Königliche-императорскія *и*

королевскія), вѣдающія общія дѣла Австріи и Венгріи, K. U. (Königlich - Ungarische — венгерско - королевскія), вѣдающія дѣла *только* Венгріи. Рядомъ съ общей арміей (К.-К.), Венгрія имѣетъ свой особый (K. U.) ландверъ, гонведы и ландштурмъ. Въ организаціи арміи нѣтъ полнаго единства.

Въ теченіе войны отмѣчалось не мало случаевъ, когда австрійскіе офицеры должны были объясняться со своими солдатами *черезъ плѣнныхъ* итальянцевъ, сербовъ и т. д. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. По сути вещей въ Австріи дѣло сводится къ тому, что правящіе слои нѣмцевъ и венгровъ повели на бой не только нѣмцевъ и мадьяръ противъ русскихъ, но и сербовъ противъ сербовъ, итальянцевъ противъ итальянцевъ, поляковъ противъ поляковъ.

До войны въ австрійской арміи было немало „нехватокъ". Достаточно вспомнить исторію съ высокопоставленнымъ шпіономъ, полковникомъ генеральнаго штаба Редлемъ. Достаточно указать на приводимые Бюловымъ въ вышеназванной книгѣ факты, какъ для удовольствія высокопоставленныхъ дамъ спеціально устраивались эффектные смотры и маневры, въ которыхъ участвовали десятки тысячъ австрійскихъ солдатъ и которые стоили милліоновъ рублей.

Но главныя причины, приведшія къ тому, что во время войны австрійская армія такъ отстала, напр., отъ германской, сводится къ общей экономической и политической отсталости страны. Въ странѣ, гдѣ такъ высокъ процентъ неграмотныхъ (въ Австріи въ 1900 г. на 1000 жителей 365 неграмотныхъ), гдѣ такъ еще не развиты общественныя отношенія—въ этой странѣ армія должна была оказаться такой, какой она оказалась.

Количественно австрійская армія составила большую силу. Напряженіе достигло неслыханныхъ размѣровъ. Мобилизована вся молодежь, начиная отъ 17½—18 лѣтняго возраста. Мобилизуются люди въ возрастѣ 50—55-ти лѣтъ. „Патріотическая" печать Австріи, правда, сообщаетъ, что въ Тиролѣ 65-лѣтніе старики чуть было не устроили бунта по поводу того, что... ихъ до сихъ поръ *не* мобилизовали. Но это, конечно, относится къ области „красныхъ вымысловъ"...

На самомъ дѣлѣ усталость отъ войны достигла въ Австріи самой крайней степени. Жертвы людьми въ этой странѣ

были относительно больше, чѣмъ въ цѣломъ рядѣ другихъ воюющихъ странъ. Въ одной маленькой Галиціи за время войны прибавилось 700 новыхъ кладбищъ... Кругомъ—разореніе и нищета... А тяготы войны (налоги и пр.) растутъ и растутъ. Отрезвленіе наступило давнымъ давно. Массы населенія жаждутъ мира. Этого не скрываютъ болѣе даже официальные „патріоты", продолжающіе защищать великій обманъ о „защитѣ отечества" и „борьбѣ за культуру".

Это настроеніе массъ лишь съ трудомъ находитъ себѣ публичное выраженіе. Военная цензура держитъ печать въ ежовыхъ рукавицахъ. Реакція полный хозяинъ въ странѣ.

За время войны еще больше поднялъ голову австрійскій клерикализмъ. Анти-клерикальныя партіи безсильны противъ него, поскольку стоятъ на точкѣ зрѣнія „единенія" и „гражданскаго мира". Клерикалы пользуются счастливымъ случаемъ, чтобы въ еще большихъ размѣрахъ нести отраву въ массы темнаго населенія, чтобы еще больше туманить его головы религіознымъ опіумомъ. „Гдѣ страданія—тамъ религія" — сказалъ недавно одинъ неглупый католикъ. А война-ли не увеличила человѣческія страданія?..

Даже въ нижней палатѣ (рейхсратѣ) австрійскіе клерикалы имѣютъ громадныя силы. Рейхсратъ состоитъ изъ 73 членовъ „христіанскаго союза", 100 членовъ нѣмецкаго національнаго союза, 37 членовъ кроатско-словенскаго національнаго союза, 71 члена польскаго клуба, 82 с.-д., 10 клерикаловъ-итальянцевъ, 6 либераловъ-итальянцевъ, 28 русинъ, 4 русинъ-руссофиловъ (*рубле*-филовъ, какъ ихъ называютъ въ Австріи), 5 румынъ и т. д. Члены „христіанскаго" союза, члены сербско-кроатскаго союза, большинство поляковъ и т. д.—прямые сторонники клерикализма. Ихъ немало и въ другихъ группахъ,—кромѣ с.-д. Такъ обстоитъ дѣло въ рейхсратѣ. А „на верхахъ", въ правительствѣ, въ руководящихъ учрежденіяхъ клерикализмъ еще сильнѣе. И онъ откровенно строитъ планы возстановленія въ Австріи неприкрытаго абсолютизма. Тотъ самый принцъ Лихтенштейнъ, котораго мы уже цитировали выше, въ одной изъ его недавнихъ статей, сдѣлалъ то открытіе, что „австрійская конституція выросла не на родной австрійской почвѣ, а заим-

ствована изъ европейскихъ шаблоновъ, ввезена изъ-за границы", что австрійскій рейхсратъ „достигъ самой глубокой точки паденія", и доказалъ, что онъ является для Австріи учрежденіемъ „противоестественнымъ" и т. п. Такимъ языкомъ говорятъ вожди клерикаловъ еще *во время войны*, когда для ихъ-же собственныхъ интересовъ необходимо „единеніе классовъ". А какимъ языкомъ заговорятъ они *послѣ* войны?...

Какъ и во всѣхъ воюющихъ странахъ, политическая печать, „общественное мнѣніе" съ усердіемъ обсуждаютъ „цѣли войны". Но трагизмъ положенія Австріи заключается въ томъ, что *меньше всего* она способна опредѣлить эти цѣли. Вильгельмъ II, германскіе имперіалисты, кучка нѣмецкой плутократіи, да еще кучка венгерскихъ магнатовъ—съ графомъ Тиссой во главѣ—вотъ кто опредѣляетъ политику центральныхъ монархій на дѣлѣ.

По вопросу о цѣляхъ войны германскіе имперіалисты, какъ извѣстно, въ послѣднее время раздѣлились на два лагеря,—противъ Англіи и противъ Россіи.

Литературнымъ органомъ одного лагеря является журналъ „Das grosse Deutschland", во главѣ котораго стоитъ графъ Ревентловъ. Пароль этихъ круговъ: *Англія*, — вотъ врагъ! Политику надо направлять главнымъ образомъ противъ Англіи.

Литературнымъ органомъ другого лагеря является новый имперіалистскій журналъ „Deutsch Politik", во главѣ котораго стоитъ пресловутый Рорбахъ. Ихъ лозунгъ: въ первую голову противъ *Россіи*.

Насколько можно судить сейчасъ, первые больше отражаютъ настроенія королей тяжелой индустріи и аграріевъ, вторые больше отражаютъ настроенія финансовой олигархіи, судостроительныхъ компаній и т. п.

Австрійскіе имперіалисты стоятъ, конечно, цѣликомъ на сторонѣ вторыхъ. Ихъ главный врагъ—Россія. Ихъ непосредственный интересъ требуетъ борьбы противъ Россіи и Италіи. Лозунгъ „свобода морей" для нихъ не имѣетъ той притягательной силы, что для извѣстныхъ круговъ германскихъ имперіалистовъ. Но дѣйствительную политику центральныхъ монархій, какъ мы уже сказали, опредѣляютъ

германскіе имперіалисты. И они не задумаются,—если положеніе ихъ принудитъ—расплатиться со своими соперниками не только за счетъ Турціи, но и за счетъ Австріи.

Кромѣ вопросовъ внѣшней политики въ австрійскихъ политическихъ кругахъ на всѣ лады обсуждается вопросъ о томъ, что произойдетъ сейчасъ-же послѣ войны въ области *внутренней* политики, каковы будутъ ближайшія судьбы Габсбургской монархіи. Самымъ популярнымъ лозунгомъ является такъ называемое „обновленіе Австріи“.

Объ „обновленіи“ говорятъ всѣ и вся, начиная отъ крайнихъ клерикаловъ и кончая офиціальными австрійскими с.-д.

Офиціальные австрійскіе с.-д. подъ обновленіемъ Австріи понимаютъ программу „національной автономіи“, съ которой мы познакомились въ предыдущихъ главахъ. К. Реннеръ выступилъ недавно съ цѣлой книгой подъ заглавіемъ „Обновленіе Австріи“ [1]). Теперь или никогда—такъ ставятъ вопросъ Реннеръ и его единомышленники. Если правящіе слои Австріи и Венгріи не поняли до войны, что въ ихъ-же собственныхъ интересахъ—замирить народы, октроировавъ имъ „національную автономію“, то пусть научатся этому хоть изъ уроковъ войны. Война доказала паки и паки, что сохранить цѣлость Австро-Венгріи и упрочить Габсбургскую монархію можно только при помощи „національной автономіи“.

Однако, есть ли вообще въ природѣ такое средство, которое можетъ „спасти“ габсбургскую монархію—это покажетъ будущее...

Когда Харматцъ торжественно заявляетъ, что Австрія политически и экономически помолодѣла, внутренне возмужала, освободилась отъ всѣхъ двусмысленностей, переживаетъ весну, эпоху роста и процвѣтанія“ [2]),—остается сказать одно: ***подождемте результатовъ войны.***

Рѣдко гдѣ реакція свирѣпствуетъ во время войны съ такой силой, какъ въ „помолодѣвшей“ Австріи. Цензура не-

---

[1]) „Oesterreics Erneuerung“, 1916, Jgnaz Brand.

[2]) Richard Charmatz „Oesterreich-Ungarns Erwachen“. 1915, 31, 32. — Ср. также книгу германофильски настроеннаго шведскаго депутата Карла Гильдебранда „Die Donau monarchie im Kriege“, Wien, 1916.

иствовствуетъ, парламентъ не собирается, военные суды свирѣпствуютъ. Война предъявила къ населенію самыя неслыханныя требованія. Мобилизуются люди въ возрастѣ 50—55 лѣтъ. („Патріотическая“—печать сообщаетъ, что въ Тиролѣ 65 лѣтніе старики чуть было не устроили бунта по поводу того, что ихъ до сихъ поръ *не* мобилизовали. Вотъ что значитъ „помолодѣвшая“ Австрія!). Дороговизна—неслыханная, эксплоатація рабочихъ—безпощадная. Не проснутся-ли и впрямь рабочіе и угнетаемое крестьянство въ Австро-Венгріи—это покажетъ будущее. И какова тогда будетъ судьба „помолодѣвшей“ Габсбургской монархіи—объ этомъ судить сейчасъ еще рано....

XII. Немного статистики.

Приведемъ здѣсь, насколько позволяетъ мѣсто, главнѣйшія статистическія данныя, характеризующія силу и развитіе австро-венгерской монархіи. Для большей наглядности мы приводимъ кое-гдѣ также сравнительныя данныя о другихъ государствахъ.

Протяженность территоріи:	Австрія	300.004	кв. килом.
	Венгрія	325.411	„ „
	Боснія-Герцогов.	51.200	„ „
	Всего	676.615	„ „

Жителей на одинъ кв. килом.:	Австрія	95,2	
	Венгрія	64,2	средн.
	Босн.-Герцог. . .	37,7	76,0

Эмиграція изъ Австріи и Венгріи:

Эмигрировало въ	1881—1890 г.г.	1891—1900	1901—1910
всего лицъ . . .	443.984	692.711	1.063.196

Въ 1912 году эмигрировало изъ Австріи- 131.117, изъ Венгріи—120.516, всего—252.449.

Бюджетъ: Австрія (одна) въ 1913 году:

	Доходы.	Расходы.	Государ. долги.
	2666,9 мил. мар.	1666,9 мил. мар.	10.324,6 мил. мар.
Венгрія въ 1913 году:			
	1761,9 „ „	1761,8 „ „	5.603,9 „ „
Боснія и Герцоговина (1911 годъ):			
	67,3 „ „	67,6 „ „	— „ „

Австро-венгерская армія (1913 годъ):

постоян.-кадры . . . . . 424.258 чел. (лошадей 89.977)
запасъ . . . . 2.330.000 „ („ 300.000)
пушекъ 1912

Флотъ:

204 военн. единицъ съ 1477 пушками
Изъ этого числа: 16 броненосцевъ . . . . . . 634 пушки
14 крейсеровъ . . . . . . 277 „
116 миноносцевъ . . . . . . 443 „

Участіе Австро-Венгріи въ міровой торговлѣ:

Въ 1913 году ввозъ—3015,1 мил. мар., вывозъ—2536,0 мил. мар.

Выборы въ рейхсратъ въ 1911 г.

Подано голосовъ:
въ деревнѣ 3.119821
„ городахъ 1.417.265

Всего 4.537.086

Изъ нихъ — за с.-д.:
въ деревнѣ 530.300 (17%)
„ городахъ 512.803 (23%)

Всего 1.043.103

По отдѣльнымъ странамъ въ 1912 году.

	Ввозъ.	Вывозъ.
	Въ мил. марокъ.	
Германія	1194,8	1030,9
Швейцарія	77,5	100,0
Франція	81,8	71,6
Бельгія	48,0	22,2
Нидерланды	21,9	24,8

	Ввоз.	Вывоз.
	Въ мил. марокъ.	
Россія	193,8	77,8
Англія	208,8	221,2
Румынія	86,8	114,2
Болгарія	13,4	40,2
Сербія	34,7	36,6
Турція	35,7	83,0
Греція	18,9	19,9
Италія	137,4	203,5
Остальная Европа	50,2	34,1
Британская Индія и Цейлонъ	16,94	53,9
Остальная Азія	85,5	47,8
Австралія	14,3	2,0
Соединенные Штаты	296,3	54,3
Бразилія	68,0	11,7
Аргентина	40,1	18,7
Остальная Америка	56,0	12,7
Египетъ	30,9	27,1
Остальная Африка	33,4	12,0

Доля въ мировой торговлѣ (1912 г.).

	Мил. марокъ.	%
Англія	27,400	16,6
Германія	21,300	12,9
Америка	16,200	9,9
Франція	14,800	9,0
Голландія	11,400	6,9
Бельгія	7,000	4,2
Россія	5,800	3,5
Австро-Венгрія	5,600	3,3
Италія	5,100	3,1

Желѣзныя дороги въ Австро-Венгріи.

Всего желѣзнодорожная сѣть имѣетъ 46,000 километровъ.

Акціонерныя общества:

	Австрія.	Венгрія.
Число обществъ	740	2900
Номинальный капиталъ	3,3	2,0 милліарда марокъ

Число періодическихъ изданій (въ 1911 г.).

На нѣмецкомъ языкѣ	2189
На остальныхъ языкахъ . . .	1814
Всего . . .	4003

Потребленіе на душу населенія (1912/13 года).

	Германія.		Австро-Венгрія.	
Пшеницы	88 килогр.	233	120 килогр.	204
Рожь	145 „		84 „	
Мясо (1910 г.)	52,6		29,9	
Кофе	2,4		1,1	
Рисъ	3,6		2,0	
Сахаръ	21,6		13,0	
Соль	24,6		12,5	
Пиво	10,1		46,0	
Табакъ	1,7		1,2	
Шерсть	7,2		4,3	

Торговый флотъ А.-Венгріи (1912 г.).

Кораблей—тоннъ 605.551.

Средняя производительность труда на гектарѣ обработанной земли:

Въ сотняхъ килограммовъ.

	Пшеница.	Ячмень.	Картофель.
Бельгія	26	27	211
Ирландія	26	25	161
Голландія	25	27	174
Германія	24	22	159
Швейцарія	22	19	155
Англія	21	18	164

	Въ сотняхъ килограммовъ.		
	Пшеница.	Ячмень.	Картофель.
Швеція	21	17	100
Норвегія	18	20	168
Австрія	15	16	100
Румынія	14	11	68
Канада	14	16	112
Японія	14	19	100
Венгрія	13	14	75
Италія	12	9	61
Болгарія	12	11	44
Соед. Штаты	10	13	61
Россія	9	10	74

Процентъ занятыхъ въ промышленности, торговлѣ, сельскомъ хоз. и пр.

На каждые 100 чел., живущихъ собственнымъ трудомъ:

Занято:	Германія.	Австрія.	Венгрія.
въ сельскомъ хозяйствѣ и лѣсоводствѣ	35,2	60,9	69,7
„ промышленности и горномъ дѣлѣ	40,2	23,3	13,6
„ торговлѣ и транспортѣ	12,4	5,4	4,2
„ Арміи и флотѣ	2,3	1,7	1,5
на обществ. службѣ и въ своб. проф.	3,9	2,9	2,5
Домашняя прислуга и пр.	4,5	3,5	4,4
Остальн. профессіи	1,7	2,3	4,1

Рабочихъ, организованныхъ въ професс. союзы, въ Австріи 693.000, въ Венгріи 119.000, всего 812,7 тысячъ.

Число неграмотныхъ.

Въ Австріи въ 1900 году на 1000 жителей неграмотныхъ 356, въ Венгріи 437, въ Босніи 878. (Въ Германіи на 1000 рекрутъ только 0,5% неграмотныхъ [x]).

[x]) Всѣ приведенныя данныя заимствованы нами изъ офиціальныхъ австро-венгерскихъ статистическихъ ежегодниковъ, изъ Otto Hübners „Geographische Statistische Tabellen“, изъ работы Науманна, изъ кн. Christian de L'Isle „L'Autriche“ изъ кн. „Oesterreich-Ungarn“ (Mächte des Weltkrieges).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2-я Государственная типографія. Галерная, 1.

